

Анна и Сергей Литвиновы
Биография smerti
Серия «Авантюристка», книга 11

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169537
Литвинов С., Литвинова А. Биография smerti: Роман: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-30315-1*

Аннотация

Таня Садовникова получила предложение, от которого не смогла отказаться, – отправиться в расположенный высоко в горах особняк, чтобы помочь его хозяйке, миллионерше Марине Холмогоровой, написать автобиографию. Книга обещает стать бестселлером: Холмогорова, девочка из бедной семьи, некогда жившая в каморке при кладбище, сейчас входит в десятку самых богатых людей страны. Как и положено преуспевающей бизнес-леди, она авторитарна, жестока, да и порядки в ее особняке странные: телефонная связь отсутствует, а обитателям дома категорически запрещено выходить из своих комнат, едва наступает ночь. Марине Холмогоровой действительно есть кого бояться. Муж ее ненавидит. Единственный сын – презирает. Друг детства покушается на ее бизнес. А заместитель – откровенно обкрадывает. И все они только и мечтают о том, чтобы откровенная книга Холмогоровой не увидела свет...

Содержание

Глава 1	4
Нелли	4
Игорь	5
Беркут	7
Таня Садовникова	8
Холмогоровы	11
Таня	13
Фаина	17
Глава 2	19
Таня	19
Беркут	26
Таня	28
Беркут	34
Глава 3	35
Валерий Петрович	35
Таня	37
Убийца	43
Таня	44
Глава 4	49
Таня	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анна и Сергей Литвиновы

БИОГРАФИЯ SMERTI

Глава 1

Нелли

Все кончено.

Выбрали не меня – другую. Ей теперь достанется все, а я... А я – просто лузер. Меня никогда не будут осаждать журналисты. И поклонники не станут толпиться в подъезде, и очередь за моими автографами не выстроится.

А ведь имелись все шансы, чтоб победить: острый ум, быстрая мысль, непринужденные манеры.

Но я так и осталась всего лишь *подающей надежды*. Первой – но на деревне. А если совсем честно, то бракованным экземпляром. Сошедшей с дистанции...

Интересно, как она выглядит, моя соперница? Наверняка: толстая, нудная, наставительная. С тяжелым, пронзительным взглядом. Почему-то еще представлялся старомодный, темно-коричневый, обязательно с шалью на плечах, костюм. И туфли с тупыми носами. На юбке – сигаретный пепел. Обо всем свое мнение, на любой случай цитата, и слова поперек не вставишь. Именно такие в нашем мире и добиваются успеха. А мы, молодые девчонки, вечно на вторых ролях. Очень нечасто нас приглашают на скромные, кабельные телеканалы. Изредка попадаем на страницы газет – не самых популярных. Блистает на малозначительных фуршетах. А на серьезных, профессиональных мероприятиях – теряемся за спинами таких вот гранд-дам. И не обойти их, не объехать. Только если уж совсем богатого мужика снять, который на твою раскрутку *миллионов* не пожалеет. Но где такого найдешь, особенно в глуши?... «Мерседес» мне предлагали, это да. Изящный, девичий, А-класса. Но что такое, по большому счету, «Мерседес»? Продай его – и всего-то на пару эфиров в прайм-тайм на центральном канале хватит.

Но, может, не все еще кончено? Ведь мой ум остался при мне. И упорство осталось. И, черт возьми, талант! Он дрожит под пальцами, вырывается из-под сомкнутых губ. Не будь его, я б наши горы по-другому видела. Не замечала бы хрусталя снегов. Не умела бы описать ропот несгибаемых сосен и паутину лыжных подъемников на вершинах.

Неужели я не найду способа, чтобы люди узнали обо мне? Ведь и не из таких ситуаций выкручивалась. Еще лет десять назад была вообще никем, у любого бомжа статус выше. Однако ничего, поднялась.

И сейчас поднимусь. Не сдаваться же!

Я хочу, хочу, хочу стать знаменитой!

И я – стану.

Даже если для этого мне придется кого-то убить.

Игорь

Он всегда был звездой. Лучшим. Не только на курсе, но и во всем институте.

А разве может быть иначе, когда в наличии быстрый ум, хороший рост, складная фигура? Лицо, правда, подкачало: глаза серые, скучные, черты мелковатые и рот безвольный. Но, во-первых, мужчина чуть симпатичней обезьяны – уже красавец. А во-вторых, в Институте европейских языков, где сплошь девчонки, любой, у кого в штанах шевелится да который не полный «ботаник», – сразу король. К тому же он всегда чувствовал, к кому надо подластиться, а на кого можно прикрикнуть. И рассуждал бойко. И всегда в нужном месте умел оказываться.

А на третьем курсе подсутился до такой степени, что его в Париж отправили. И не просто на стажировку (хотя многие бы и этому позавидовали), а переводчиком, что куда престижней. Да еще суточные платят. В инвалюте! Плюс полезные знакомства.

Очень удачно вышло: столичный Театр драмы выезжал во Францию на гастроли. Театр известный, в труппе сплошь звезды и примы. А артисты, они ж, все знают, безязыкие, в смысле, один русский знают, да и то фигово, зато все с гонором. Каждому подавай собственного переводчика. Но профессиональных не напасешься, и слишком дорого, а вот если студентов за копейки и бесплатную поездку набрать, то получается в самый раз.

Вот он и оказался в свои несерьезные двадцать лет – при самом Пыльцове, звезде из звезд.

Александр Пыльцов в ту пору тоже был молод, всего двадцать восемь, но уже блистал на всю страну. Хотя таланту, шептались за спиной, бог отмерил средненько, и лицо самое заурадное, совсем не Делон. Однако удалось попасть в обойму. То ли помогло, что когда-то карате занимался и теперь вполне умело махал ногами и кулаками перед камерой. То ли супруга – толстая, нескладная, зато дочка, ни много ни мало, министра – карьере способствовала. Первый же фильм, где Пыльцов сыграл главную роль, лабуда про пиратов, погони да клады, принес ему сногшибательную популярность. Журналисты, поклонницы, народная любовь – даже мальчишки во дворах теперь «в Пыльцова» (точнее, в его киногероя) играли. И в родном театре, на волне-то кинославы, удалось вознестись. На актере теперь и «Женитьба», и «Гамлет» держались, а известный композитор писал специально под новую звезду мюзикл.

Ну, а раз звезда – девки с катушек слетают мигом. Пыльцова даже в Париже узнавали, хотя наших там в середине восьмидесятых было раз-два и обчелся. Но все равно находились – бросались, радостно хлопали глазами, молили автографы.

Часть всенародной любви доставалась переводчику. Многие девицы ему тоже глазки строили. Надеялись, наверное, что он им поможет к звезде подобраться.

А когда из Парижа вернулся, популярность в институте взлетела до небес. Он мимоходом, небрежно, фотки продемонстрировал. Вот они с Пыльцовым в ресторане – за одним столиком. А вот что-то горячо обсуждают в гримерке артиста. Или: бок о бок, за спинами маячит Эйфелева башня, идут по улице...

И даже *она*, скромница, однажды решилась. Явно смущаясь и трогательно краснея, спросила, не получится ли у него когда-нибудь достать ей билет в Театр драмы на спектакль с участием знаменитости. Добавила: «Только ты не волнуйся, не бесплатно, я, конечно, заплачу, сколько скажешь».

С билетами (точнее, с контрамарками, без мест) у него благодаря Пыльцову проблем действительно не было. Хорошая в те времена валюта. И столик в ресторане в обмен можно получить, и зачет – если, конечно, принимают не зажавшиеся препода, а скромные аспиранты. Но стоит ли расходовать халяву на эту мышку?

Однако он взглянул в молящие глаза девушки – те оказались серыми, глубокими, зовущими... Мимоходом коснулся худенькой руки. Быстрым взглядом оценил ладную, непонятно зачем скрытую широченными джинсами попку. И решил: от него не убудет. Не только контрамарку подарит, но и лично выгуляет простушку в Театр драмы. Затраты, времени и денег, минимальные, а очередной ни к чему не обязывающий секс никогда не помешает.

...Как же потом, спустя годы, он проклинал тот хмурый ноябрьский день, когда надумал пригласить ее в театр!

«Ты сегодня вечером не занята?» – «Нет, конечно!» И смотрит на него, будто овца, ведомая на заклание. Такую достаточно было покатасть на трамвае, а он, дурак, зачем-то целую культурную программу разработал: театр, буфет... Да и еще взялся перед ней хвост распушать – после спектакля в гримерку к Пыльцову привел. Тот (оваций и цветов хватало) пребывал в духе. Обоих обласкал: беседа почти на равных, автограф, очередная обаятельная, Пыльцову не жаль, улыбка, адресованная лично *ей*... Ну, а он – связующее звено. Проводник в красивую жизнь.

В общем, прилепилась наша серенькая мышка после того вечера к нему намертво. Будто ракушка-присоска. А он, нет бы отодрать и без жалости раздавить каблуком, принимал ее поклонение как должное. Когда посылал, когда снисходил. И, сам того не замечая, все приближал и приближал ее к себе.

Вот и доигрался. Они и сейчас, спустя двадцать лет, вместе. Только ситуация теперь изменилась с точностью до наоборот. Звездой стала она. А он – при ней. Никто. Тень. Ноль. И даже постаревший Пыльцов, когда приезжает к ним в особняк в гости, первым делом кидается к ней. Лебезит, целует ручки, вьется вокруг, а ему – лишь сдержанно кивает. Понимает актеришко: у кого деньги, у того и сила.

И она поклонение звезды с достоинством принимает. Куда только подевались неуверенный взгляд, тощая спинка, хрупкие плечики. После рождения сына располнела, заматерела, но лишние двадцать кг сбрасывать не сочла нужным. И голос стал каким-то трубным, и манеры – будто у базарной торговли.

Однако никуда ведь от нее не денешься. Живешь вместе и ждешь – о, насмешка судьбы! – обещанного: «Покуда смерть не разлучит вас...» И терпишь ее бесконечные выходы.

Она уже давно единолично выбирала, где жить, что есть, куда ехать, кого нанимать в прислуги, на каких машинах перемещаться, *к чему стремиться, как жить...*

И он ей все это позволял. Терпел. Надеялся. Но и его терпение не беспрельдно.

По крайней мере, последний проект супруги обречен. Уж он-то об этом позаботится...

Беркут

Одноклассница Юлька была для Миши Беркута лучшей девчонкой в мире.

И когда ее не стало, вся жизнь для него замерла.

Зеленые с искорками глаза. Точеный носик. Капризные, вызывающе пухлые губки. Ослепительно белая кожа – моду на загар Юлька игнорировала, опасалась веснушек.

Она очень боялась подурнеть, превратиться в старуху... Но Беркут не сомневался: Юлечка и в семьдесят лет будет для него самой прекрасной и самой желанной. Он даже хотел, чтобы она поскорее состарилась, потому что пока молода, слишком много охотников за ее стройными ножками, за осиной талией. За прекрасным медом волос. За нежным, будто ручеек плещет, смехом...

Юлька, богиня, обходила Мишу по всем статьям. Прелестное личико уже давно мелькало в журналах, по всему городу плакаты с ее лукавой улыбкой. Конкурсы красоты, эфиры на радио... А у Беркута всех достижений – пятерки да пояс по карате. Правда, тоже в их классе считается симпатягой, и одноклассницы на него заглядываются. Но зачем они ему? Девчонки из класса – они ж обычные, любому, кто портфель поднесет да матом не кроет, рады. Примитив, воробышки. Разве это добыча – особенно для человека с фамилией Беркут? Беркут – хищник, птица высокого полета. У такого, как он, и пара должна быть соответствующая. Юлька. Самая прекрасная девушка на планете.

А пока они просто дружили. Юля улыбалась его анекдотам, радовалась, когда он решал ей задачки, и не воспринимала его всерьез. Не понимала, глупышка, что Беркут – птица серьезная. Дальновидная и терпеливая. В засаде может до нескольких часов выждать, а потом одним махом налететь, вонзиться в жертву когтями, схватить, унести в высь.

Он бережно, как бусинки, собирал их встречи. В понедельник присела на краешек его парты... Во вторник – вместе перекусывали в школьном буфете... В среду, после уроков, проводил ее домой... А в четверг, ура, даже вне школы виделись – Юлька согласилась, чтоб встретил после съемок, и потом целый час по набережной вместе бродили... И она все поглядывала на окрестную публику, подмечала, у кого какие бриллианты, да острым взглядом вычленяла на фланирующих дамочках «родные» Прады да Гуччи... А Беркут шел рядом и гадал: если прямо сейчас, в шестнадцать, заделать Юльке ребенка – оставит ли она его? Смирится? И если да, то не будет ли вечно упрекать, что похоронил ее молодость в ползунках да пеленках?

Не решился, конечно. Не посягнул на богиню. Только целовал. А зря. Был бы сейчас сын – такой же, как она, голубоглазый. Или девчонка – светленькая и стройная...

А так – никакого следа от Юли не осталось. И вырасти она не успела. Десять лет с ее смерти минуло, а почти никто не помнит ее. Родители умерли, подружки давно забыли. Ну, в школе фотка висит. В Интернете, если в поисковик фамилию забить, десяток старых ссылок выпрыгнет. И все. Жизнь прекрасно обходится без нее. И блистают, улыбаются, строят блестящие карьеры теперь уже совсем другие. А Юлечка так и осталась вечно молодой. Беспечно улыбается с могильного памятника. И – с множества фотографий в его квартире.

И до сих пор ждет, что за нее отомстят.

Таня Садовникова

Личная секретарша в их рекламном агентстве полагалась только генеральному директору, что было обидно.

По крайней мере, Таня Садовникова совсем бы не отказалась тоже иметь помощницу. Как удобно: можно потребовать кофе, прикрикнуть или за бумагой для принтера отправить.

«Имей совесть! – возмущалась мама. – Совсем заелась, жалуешься, что секретарши нет...»

На мамин старческий – и застойный! – взгляд, Таня была устроена в жизни – лучше некуда. Творческий директор в крупном рекламном агентстве. Своя квартира. Машина. Две шубы. Зарплата с вполне достойным количеством нулей. И – совсем уж нахальство! – даже домработница. (А иногда Татьяна поддразнивала родительницу и обещала вдобавок нанять кухарку.)

Мечта, короче, обывателя. Выедешь вечером в центр – на новенькой иномарке, на пальце ненавязчивые, но впечатляющие бриллианты, стройное тело скрыто очередной дорожкой тряпкой – так и ловишь на себе завистливые взгляды.

Не объяснишь ведь завистникам, что вкалывать изо дня в день приходится только в офисе по двенадцать часов. А реально получается все двадцать четыре, потому что проблем-то из головы не выкинешь. Одновременно Таня вынуждена работать над четырьмя-пятью проектами. Для каждого нужна собственная, отличная от других, концепция. Вот и варятся идеи круглые сутки. Даже ночью, бывает, просыпаешься от того, что полезная мысль в голову пришла. И вместо того, чтоб на другой бочок перевернуться и снова «отплыть», к компьютеру бежишь – записывать, а то вдруг к утру забудется.

Но одним креативом, хотя ее должность и называется *творческий директор*, конечно, дело не заканчивалось. Еще ей приходится с заказчиками ругаться. Подчиненных строить. Начальство – над ней ведь и исполнительный директор, и генеральный – обхаживать... Вот и считай: удалась ли жизнь или нет. Стоят ли две шубы и пусть крутая, но взятая в кредит машина подобных лишений?

Годков-то Татьяне уже нащелкало немало. И пусть первые морщинки пока легко маскируются хорошим тональником, но тревожная тенденция налицо. Глаза становятся все более усталыми, а характер – склочным. Так скоро можно и в истеричную мымру, героиню «Служебного романа», превратиться.

Многие из ее окружения кокаин нюхают. Говорят – чтобы стресс снять. И если раньше Таня подобных слабаков просто презирала, то сейчас уже начала *понимать*. Хотя какая-то, пусть и порочная, у людей отдушина, иллюзия свободы и счастья. А у нее – сплошная скучная беготня. Из развлечений – редкий, раз в две недели, массаж в хорошем салоне. Или эпизодический шопинг. Да еще, если вдруг удастся в шесть вечера с работы вырваться, театральные премьеры. Но сколько раз бывало: сидишь в театре – и носом клюешь, потому что вечно не выспавшаяся. Или того хуже: бездумно смотришь на Хлестакова или Фигаро, а в голове совсем посторонние мысли вертятся. Например, как удачнее впарить потребителю очередные жвачку или шампунь...

Еще пара лет такой сумасшедшей жизни – и тоже начнешь кокаин нюхать. А еще через пять – загремишь в клинику неврозов.

Но где выход? Замужество, беременность, декретный отпуск, чем спасаются многие девчонки, точно не для нее. С тоски помрешь! Просто уволиться, пожить для себя? И осуществить детскую мечту: пойти, забавы ради, в продавщицы мороженого? Романтично, конечно, но только и жить тогда придется на зарплату продавщицы. Накоплений-то никаких,

вся зарплата улетает – ипотека на квартиру, кредит на машину, плюс тряпки... Порочный круг.

Вот и сегодня: на часах уже девять вечера, а она до сих пор в офисе. Пытается понять, *что плохо* в сценарии ролика про йогурт, весь, как положено, кишасший полезными бактериями. Вроде и идея хорошая, и слова грамотно в предложения сцеплены, а искры нет. И откуда эту искорку добывать, когда презентация заказчику завтра с утра, а голова уже никакая, решительно непонятно.

Таня даже обрадовалась, когда у нее на столе вдруг зазвонил городской телефон. Кто бы ни был – хоть на пару минут отвлечься. Повалить дурака.

Она сняла трубку и проворковала, подражая образцовой секретарше:

– Рекламное агентство «Ясперс энд бразерс». Чем могу вам помочь?

Мужчина на другом конце провода явно был озадачен:

– Э-э... мне вообще-то нужна Татьяна Садовникова.

Действительно: ведь он звонил на рецепшн, и оттуда его переключили на Садовникову. Но вдруг еще одна секретарша нарисовалась...

Ну и пусть помучается. Мало ли, может, у них в агентстве секретарей – десяток. И Таня, не выходя из роли, потребовала:

– Как вас представить?

– Антон Шахов...

«Хм, имя мне ничего не говорит», – мелькнуло у Садовниковой.

– Личный помощник госпожи Холмогоровой, – закончил мужчина.

«А эту фамилию я где-то слышала...» – подумала Татьяна и строго произнесла в трубку:

– Минуточку, я узнаю...

А сама быстренько пощелкала кнопками компа, заскочила в «Яндекс», вихрем вбила в окошко поиска «*Холмогорова*». «Одна из десяти самых успешных в России бизнес-леди», – тут же откликнулся компьютер.

Что ж. От таких контактов не отказываются – даже вечером, когда голова уже не варит. И Таня, убрав из голоса бархат, вернулась на телефон:

– Да, Антон, я вас слушаю.

– Вы – Татьяна Садовникова? – уточнил мужчина.

«Неужто заподозрил, что я под секретаршу подделывалась?» – усмехнулась про себя Таня и постаралась еще больше изменить тембр голоса:

– Точно.

– Что ж, очень рад, – не стал больше цепляться собеседник. И, с места в карьер, выпалил: – Я прилетел в Москву специально, чтобы встретиться с вами. Я еще в аэропорту, самолет приземлился десять минут назад. Мы могли бы с вами вместе поужинать? В любом месте, где скажете. В половине одиннадцатого вас устроит?..

«Вот это напор! Чего ему, интересно, надо?» – удивилась Таня и сухо ответила:

– Нет. Вечер у меня занят.

Да, занят – тем, что сейчас она наконец сматывается из опостылевшего офиса. Доплетется по вечным столичным пробкам домой и без сил рухнет в постель.

– Очень жаль, – искренне расстроился собеседник. – А завтра в какое время вы можете? Я подъеду куда угодно... Допустим, ланч в «Пушкине». Подойдет?

«Бальзам на душу», – порадовалась Татьяна. Обычно, когда имеешь дело с *крутыми*, самой приходится подстраиваться. То мчатся на встречу к семи утра, а то и вовсе лететь куда-нибудь в Анадырь.

– Подойдет, – не стала ломаться Садовникова.

– Отлично! А в котором часу? – жизнерадостно поинтересовался Шахов.

Татьяна же наконец спохватилась:

– А по какому, собственно, поводу... мы будем с вами встречаться?

И натолкнулась на значительное:

– Ну, повод, Таня... то есть, конечно, Татьяна Валерьевна... повод вам, надеюсь, очень понравится.

Холмогоровы

Станислав встретил ее, как всегда, пустым, невидящим взглядом. Стасик, ее сын... Любимое золотко, надежда, сокровище...

Его кресло стояло у окна. В распахнутые створки врываются утренние ароматы: росы, тумана, сплывающего с дальних гор, напоенной ночным дождиком земли...

«Здесь один воздух на ноги его поставит!» – в один голос кричали все врачи.

Доктора бывали в их доме охотно. Всегда (после того, как прописывали очередное средство) оставались на обед, прогуливались по саду, плавали в бассейне, парились в сауне, колесили на внедорожнике по горным тропам. Только Стасу от их назначений легче не становилось.

«Мы сделали все, что в человеческих силах», – оправдывались незадачливые эскулапы. А один и вовсе жестоко заявил: «Проблема в том, мамочка, что Станислав сам не хочет поправляться. И заставить его медицина не в состоянии».

Это было вдвойне несправедливо. Ведь она делала все, чтобы Стасик выздоровел. Построила ради него этот дом высоко в горах, с целебным воздухом. Теперь выбрасывает на лечение дикие деньги. А сын – просто не хочет?

Помнится, очень давно, она еще в школе училась, у нее была специальная тетрабочка. Не то чтобы дневник жизни – на подобное занудство терпения не хватало, просто записывала туда всякие свои мысли, рассказы об особо ярких событиях, интересные цитаты. И однажды внесла неизвестно откуда выхваченное: *«Если мужчина готов ради женщины на все, значит, он ее любит. Если женщина готова ради мужчины на все, значит, она его родила»*.

Тогда, школьницей, она украсила это изречение пятью удивленными вопросительными знаками: что, мол, за ерунда? И когда произвела сына на свет, тоже долго не понимала, в чем там смысл. Она совсем молодая, а дитя вопит, денег мало, муж не помогает... Все эти каки, пеленки, постоянный, монотонный плач доставали ее конкретно. Только и искала: с кем бы малыша оставить, чтоб заняться более интересными делами. Работы с каждым годом прибавлялось, а вместе с нею и интересных поездок, встреч, авантур. Полностью бы отдаться этому стремительному потоку – ан нет, Стасик у нее камнем на шее. То болеет, то капризничает или – вот самый кошмар! – орет ночь напролет накануне важных переговоров...

В общем, всегда считала: от детей одни проблемы. И только теперь, к сорока, по-настоящему осознала, насколько Стасик ей дорог. Просто потому, что он – ее сын.

И разве можно позволить, чтобы ее ребенок на всю жизнь остался в своей одинокой комнате, в своем вечном кресле? Он – продолжатель ее рода, наследник. Ее гены, ее кровь. Во многом – ее характер, даже более независимый. И пусть, пока он рос, ей было не до него. Зато сейчас парень повзрослел, и с ним можно общаться на равных. Советоваться. Слегка, по-матерински, кокетничать. И даже готовить сына к тому, чтобы передать дело в его руки.

Хотя однажды она подслушала, как проклятые врачи между собой говорили:

– Какой уж тут бизнес с его диагнозом...

Но сдаваться мать не собиралась – на что тогда миллионы?

Находила очередных докторов. Надеялась. И всегда, даже в самые тяжелые дни, разговаривала с сыном, будто со здоровым. С равным. Рассказывала ему новости, свежие анекдоты. Смеялась, шутила. Задавала вопросы – и сама же на них отвечала.

– Стасенька, а ведь я так и не знаю: тебе какие девушки больше нравятся – блондинки или брюнетки?

Тишина. Сын смотрит в одну точку. Она, по-прежнему бодрым тоном, продолжает:

– Будем считать, что блондинки. Вы, мужчины, на них падкие... Так вот, я одну такую на работу хочу нанять. Между прочим, очаровательная. Фигурка, глазки – конфетка!..

Молчание. Невидящий взгляд.

– Если договоримся, будет жить у нас в доме. В розовой спальне на втором этаже. В той, что вторая по коридору. Могу, если хочешь, оставить ключ. Наведаешься к ней как-нибудь вечером!

Она улыбается. Улыбка получается жалкой.

Сын по-прежнему упорно молчит. Смотрит мимо.

– Сам знаешь: на меня угодить трудно. Свекровью я буду – не дай бог! Но у этой, даже я признаю, не только мордаха. Есть мозги, и хватка, и характер. В общем, присмотрись к ней, ладно?

Его губы дергаются в полуулыбке, совсем мимолетной. И что в ней – не прочитаешь. Брезгливость? Досада? А может быть – долгожданное прощение?

«Зря стараетесь, – говорил ей все тот же жестокий врач. – Сын вас просто не слышит».

Стас и правда будто чужой. Будто с другой планеты. Увлеченно смотрит в окно, на свежий утренний сад – словно впервые увидел и никак не может налюбоваться. Ему плевать на все ее старания. На девушку-гостью. На всю ее жизнь.

И тогда ее голос твердеет. Она касается его плеча и твердо говорит:

– Нет, Станислав. И не надейся. Все будет, как хочу я. Ты понял?

Таня

Помощник Холмогоровой Антон Шахов выглядел, на Танин взгляд, типичным провинциалом. То есть, конечно, прописка у него могла быть и столичной, но суть от этого не менялась. Все в нем было несколько с перебором – и слишком наглаженная рубашка, и чрезмерно дорогой галстук, и вызывающий блеск ботинок. А уж мобильный телефон с инкрустацией, гарнитура «хэндс-фри» в ухе и уложенные гелем волосы и вовсе не лезли ни в какие ворота.

До боли знакомый типаж, тысячу раз встречались с такими. В Москве их целый класс – неуверенных в себе и оттого хамоватых провинциалов, покорителей столицы.

На визитке господина Шахова значилось, что он – управляющий компании «Юнона».

Название Тане было знакомо. За полчаса до обеда она успела проштудировать «Яндекс» и теперь хотя бы минимальное представление о своей потенциальной заказчице имела.

Холмогорова действительно владела целой империей, а «Юноной» называлось ее самое успешное детище. Расположена компания на российском юге и включает в себя санаторий, развлекательные комплексы, рестораны, боулинг... Серьезный бизнес. Особенно сейчас, когда стало известно, что через несколько лет в тех краях Олимпиада пройдет.

«Неужели им нужна *информационная поддержка* на ТВ и в прессе? Ввиду грядущих Игр? – затеплилась у Садовниковой надежда. – Ох, я бы взялась!»

Таня на подобных проектах прежде не работала, но знала: присоединиться любым боком к событию подобного ранга это не просто деньги – деньжищи. Если она такой заказ в свое агентство притащит, можно смело требовать, чтоб зарплату как минимум вдвое поднимали.

Хотя, если б Холмогорова хотела нанять агентство, то вышла бы скорее на шефа, господина Маккагена. Или на любого из коммерческих директоров. Но почему-то шустрика Шахова послала именно к ней, к Татьяне. Хотя даже по тому, как звучит ее должность, ясно, что она ведаёт отнюдь не финансовыми, а только творческими вопросами.

Загадка. Да еще и гонец явно стремится ей пыль в глаза пустить. На обед вытащил аж в «Пушкин», на аперитив выставил коллекционного шампанского, на закуску – немалое ведерко черной икры... Купечество, да и только.

«Если верить „Яндексу“, у Холмогоровой сын имеется. Точный его возраст неизвестен, но вроде уже совершеннолетний. Может, она меня к нему в невесты определила?» – усмешливо подумалось Татьяне.

А что, вполне может быть. Сватовство нынче снова в моду входит.

Однако едва сели за стол, разговор шустрик Шахов повел совсем о другом. Чуть ли не первым вопросом задал такой:

– Татьяна, если не секрет: ваш трудовой договор с «Ясперсом» скоро истекает?

Значит, все-таки не любовь – работу хотят предложить.

Таня мимолетно задумалась. Хотя из родного рекламного агентства она могла уйти по собственному желанию когда угодно, покидать «Ясперс» в ее планы совсем не входило. Во-первых, шеф прозрачно намекнул, что не за горами очередное повышение и совсем скоро ее введут в совет директоров. А во-вторых, любому рекламисту известно: работать в западном сетевом агентстве (каковым и являлся «Ясперс») куда престижнее, нежели в самой крутой российской фирме. Может, деньги и не громадные, зато стабильно. И резюме получается золотое.

Но с ходу отшивать Шахова не стоило. «Хотя бы потому, что я черной икры уже лет десять не ела», – снова усмехнулась про себя Татьяна.

Она украсила свежевыпеченную тарталетку изящной горкой икорочки и улыбнулась собеседнику:

– А что вы хотите мне предложить?

Тот откинулся на спинку неудобного стула. Отхлебнул шампанского, понизил голос до интимного полусшепота:

– О, Татьяна Валерьевна... Наше предложение – это нечто совершенно особенное. Исключительное! Невероятное!

Она еле удержалась, чтоб не поморщиться. Что за ужимки? Что за словечки из лексикона начинающего рекламного агента!

«Быстрее смести икру – и прочь», – решила девушка.

Но Шахов вдруг прекратил свой цирк. Тоже хватанул икры и сменил тон на нормальный:

– Дело в том, что хозяйка... я имею в виду Марину Евгеньевну Холмогорову... решила издать свою биографию. Хочет большую книгу сделать, страниц на двести-триста.

– Зачем? – автоматически поинтересовалась Садовникова.

– Ну, кто их, олигархов, поймет, зачем им то или другое нужно? – развел руками Шахов. – Свой кредит доверия, наверное, хочет повысить. Может, в депутаты решила пойти. А может – за Олимпиаду борется.

– Это как?

– Ну, вы же знаете: в наших краях, в Красной Долине, Олимпиада пройдет. Строительство намечается грандиозное. А подряды, сами понимаете, кому попало не отдают...

Таня очень сомневалась, что строительные подряды раздадут тем, кто выпустил свою биографию, однако спорить не стала.

Антон же весьма интимно коснулся ее руки и проворковал:

– Ну, вы беретесь? – и смолк, выжидательно взглянул на нее.

– Берусь за что? – вскинула брови Татьяны.

– За работу, конечно! – Молодой человек снова вернулся к жизнерадостному тону плохого рекламного агента. – Причем за хорошо оплачиваемую! Исключительно по вашему профилю!

– Вы хотите, чтоб мое агентство организовало рекламную поддержку книги? – предположила Татьяна.

Не информационное, конечно, обеспечение Олимпийских игр, но тоже хлеб. Приволочь в агентство крупный заказ – это всегда вист. А сейчас, когда совет директоров на горизонте замаячил, – даже два виста.

– Странно, – вдруг поскущел молодой человек. – А Марина Евгеньевна говорила, что вы умеете мыслить нестандартно... И на непредсказуемые поступки способны...

– Вы что, меня из равновесия пытаетесь вывести? – спокойно поинтересовалась Садовникова.

– А вот тут она права: держать себя в руках вы умеете, – проговорил Шахов как бы в пространство.

Таню эта игра начинала изрядно раздражать. Да и черная икра оказалась совсем не такой вкусной, как помнилось с детства.

– Ваши наблюдения, Антон, безусловно, интересны, – поморщилась она, – но, увы, я спешу.

С нее достаточно. Садовникова обернулась, высматривая официанта. Заплатить за дурацкую икру – и выкинуть странный бизнес-ланч из головы.

– Сто тысяч евро, – вдруг тихо произнес собеседник.

– Разумеется, в месяц? – усмехнулась Татьяна.

– Кто знает, – загадочно отвечивал Шахов. И вопросительно уставился на нее.

– А что делать-то надо?

Таня, смущенная огромностью суммы, несколько утратила самообладание. Сто тысяч евро, с ума сойти! Ведь сразу с кредитом за квартиру можно рассчитаться... Только вранье. Не дадут столько. Пусть она и классный специалист, но больше десяти тысяч в месяц ей не предлагали еще ни разу.

– Да разве вы не поняли, Татьяна Валерьевна? – Шахов снова перешел на интимный полупшепот. – Нужно всего лишь написать Марине Евгеньевне биографию. Советую от себя лично: беритесь! Это же золотое дно!

Таня удивленно уставилась на него.

– Написать биографию? Но я-то здесь каким боком? Я рекламист, а не писатель!

– Зато вы Овен, – заговорщицки подмигнул Антон. – Причем второй декады. А Марина Евгеньевна – Лев. Идеальное сочетание. И по восточному гороскопу у вас с ней тоже полная совместимость. И даже по гороскопу друидов.

– Вы смеетесь?

Теперь Шахов своего добился – из равновесия ее вывел.

– И сакральный портрет Марина Евгеньевна на вас заказывала, – невозмутимо продолжил молодой человек. – Тоже подошли.

– Что за глупые шуточки... – пробормотала Татьяна.

– Да согласен я: полная чушь, – пожал плечами собеседник. – Но раз Марина Евгеньевна верит... Хотя, конечно, она на вас гороскоп заказала только после предварительного отбора.

– И по каким же критериям... она меня отбирала? – фыркнула Садовникова.

– Ну, во-первых, по телевизору однажды ваш ролик увидела – про пиво. Что-то там на яхте, штурвал, швартовы, паруса... Он ей очень понравился.

– А он всем нравится, – улыбнулась Татьяна. И не удержалась, чтоб не похвастаться: – Редкий, кстати, случай гармонии коммерции с творчеством: и продажи выросли на сорок процентов, и на «Каннских львах» я специальный приз получила.

– Вот и Марина Евгеньевна сказала: так талантливо, что она прямо жажду почувствовала...

– А у вашей хозяйки есть вкус! – не могла не отметить Татьяна.

– Ну, и завертелась машина, – продолжил Антон. – Сначала узнали, чей сценарий, и вышли на вас. Дальше – стали проверять. Образование там, семья, привычки, достижения, промахи... И в конце концов оказалось: вы нам подходите.

– Что ж, вы проделали большую работу, – саркастически опустила уголки рта Садовникова. – А с чего вы решили, что я умею *писать*? Не сценарии к рекламным роликам, а художественные тексты?

– Марина Евгеньевна сказала, что талантливый человек должен быть талантливым во всем. – Антон склонил голову. В его глазах мелькнула тщательно спрятанная зависть.

– Спасибо, конечно... – пробормотала Татьяна.

– Вы согласны, – констатировал Шахов.

– Я никогда прежде не писала ничьих биографий, – задумчиво произнесла Татьяна. – Даже своей...

– Не сомневаюсь: дебют окажется удачным, – галантно сказал Антон. И нетерпеливо облизнул губы.

«А тебе явно не нравится говорить мне комплименты, льстить, уговаривать...» – подумала Татьяна. И отрезала:

– Боюсь, мне это не подходит.

– Почему? – опешил молодой человек.

– Потому что мне нравится заниматься тем, в чем я компетентна. То есть рекламой. Да и в агентстве меня все равно никто не отпустит. Даже на месяц.

Шахов мгновенно подобрался.

– Аванс – пятьдесят процентов. Половина суммы! Хоть завтра. На ваш счет. И главное: деньги в любом случае не возвращаются. Вы поняли? Даже если Марине Евгеньевне книга не понравится, эта огромная сумма все равно останется у вас. Кто еще вам такое предложит?

«Ничего себе!» – мелькнуло у Тани. Обычно-то в рекламе заказчик не больше десяти процентов невозвратного аванса платит. Садовникова заволновалась.

И не только в деньгах тут было дело. Таня презренный металл, безусловно, любила – как без того в бизнесе-то? – но еще больше она любила все неожиданное. Новое. Авантюрное. А писать биографию входящей в топ-десятку бизнесменши – чем не приключение?

Новое задание – пусть и более чем странное – Таню уже захватило. К тому же для карьеры польза имелась. Подумать только: в ее портфолио тогда не только бесконечные рекламы будут, но и литературная запись биографии. Считай, почти собственная книга! Тоже, между прочим, вист. А отпуск без сохранения содержания она в своем агентстве, конечно, выпросит...

– А где нужно будет работать? – осторожно спросила Татьяна.

– О, у Марины Евгеньевны такой особняк! – восхищенно воскликнул Шахов. – Огромный, светлый, удобный. Высоко в горах. Вы просто не представляете, какой там воздух! В небе, прямо над участком, орлы парят. И олени во двор приходят. К тому же до Сочи всего пятьдесят километров. Всегда можно съездить искупаться.

«Тоже ничего», – мелькнуло у нее.

– Значит, мы договорились, – повторил Антон.

– Ну, мне еще нужно подумать... – протянула Татьяна.

Но про себя девушка уже решила: она согласится.

Фаина

Чужой человек в доме – это всегда неудобство. С новыми горничными и то морока: разместить их, накорми, вышколи. Но их хотя бы ублажать не надо: живут в каморках под самой крышей, мыться бегают в общий душ. Да и скармливать им можно любую некондицию, что в холодильнике залежалась.

Иное дело – хозяйкины гости. Тут уж Марина Евгеньевна строга. Требует, чтоб «сервис, как в пяти звездах».

Фаина Марковна, правда, и в трехзвездочном отеле сроду не бывала. Уже столько времени вообще никуда не выезжала из родных мест! Последнее путешествие состоялось лет тридцать назад – когда мужу на работе выдали две путевки в советский санаторий в Кисловодске.

Но и по «Хилтонам» болтаться необязательно, чтобы понимать: пять звезд – это когда все желания гостя исполняются. Мгновенно. А еще лучше – за секунду до того, как они появились.

Последний случай: Матвеем Максимовичу, давнему хозяйкиному приятелю, срочно вертолет понадобился. Тот прилетел из столицы один из своих заводов навестить, и вдруг сель сошел, дороги расчистить не успели. А сама хозяйка – в Москве. Фаина Марковна ей, конечно, позвонила, но она только фыркнула: что я, мол, могу, находясь за полторы тысячи километров? Хочешь – Игоряшку проси (в смысле, мужа). И бросила трубку.

Ну, тут уж Фаина Марковна сама едва не рассмеялась. Игоряшка-то – за всю свою жизнь только *экзистенциальную сущность* находить и научился. Причем на дне стакана. Каких уж от него вертолетов добиться...

И ничего, выкрутилась: нашла геликоптер сама. Местный парашютный клуб спортивный «Ми-2» согласился в аренду сдать. Вертолетик, правда, оказался дрянной – весь трясся и вонял похлеще бензопилы «Дружба», а от летчика ощутимо перегаром потягивало. Да еще и бумагу пришлось писать от имени гостя: мол, в случае смерти претензий никому предъявлять не буду. Но Матвей Максимович все равно был доволен – все ж лучше, чем несолоно хлебавши в Москву возвращаться. Хвалил потом Фаину Марковну перед хозяйкой. А та все пыталась ее в качестве премии на Кипр отдыхать отправить. Еле удалось отбиться.

Но только Матвей-то Максимович – большой человек, в кабинет мэра дверь пинком открывает. А эта девица, Садовникова, она кто?

Хозяйка сказала только: жить у нас будет долго, приготовь розовую спальню.

Игоряшка, когда закинула удочку, скривился, словно ему позавчерашний рассольник подсунули, и объяснил: Марина Евгеньевна решила свою биографию писать. А гостя ей помогать будет, чтоб красиво получилось.

Значит, выходило, писательница. Тоже, наверное, серьезный человек. Со статусом, со своими привычками. Встречать, что ли, по полной программе? С коллекционными розами в спальне, с праздничным ужином. Может, и фейерверк понадобится?

Но Нелька, хозяйкина секретарша, сказала совсем другое. Она, конечно, в доме не особый авторитет, но говорила очень уверенно: Садовникова никакая не гостя на самом деле, и не писательница – просто ловкая выскочка.

– Обычная менеджерша. В рекламном агентстве служит, седьмая спица в колеснице. Но туда же: к чужим миллионам захотела присосаться.

Конечно, нельзя сказать, что Фаине Марковне хозяйкины финансы как свои, но за Марину Евгеньевну она – в огонь и в воду. А уж проверить, не принесет ли гостя неожиданных бед, – и вовсе не сложно.

И когда горничные вылизали розовую спальню, постелили белье, повесили в ванной перламутрового цвета (чтоб гармонировали с отделкой комнаты) полотенца и халат, она отправилась лично инспектировать их работу.

Поставила на тумбочку букет ярко-красных роз – свежесрезанных, но все-таки не коллекционных. Убедилась, что паркет под кроватью блестит столь же отчаянно, как и в видимых местах. Проверила стоки в ванной и в раковине – чтоб ни единого волоска там не оказалось.

А потом – заперла за собой дверь. Приглушила свет. Подошла к зеркалу. Сосредоточилась...

Видения, когда действительно требовалось, посещали ее без промедления.

И сейчас – тоже не подвели.

Фаина Марковна увидела в тускло освещенном зеркале размытую фигуру довольно высокой девушки. Та выглядела смазливой: светлые волосы, порочно накрашенные губешки, хлоп-хлоп глазюки... Глупая и безопасная. Можно было и вчерашними розами обойтись, они, благодаря аспирину в вазе, будто свеженькие.

Но, на всякий случай, она сосредоточилась еще больше и представила, будто рядом с девицей стоит обожаемая хозяйка. И сердце даже не дрогнуло. Никакой опасности. Права, наверно, Нелька: гостя – обычная жадная до денег «шестерка». И *действительно* приезжает просто писать биографию Марины Евгеньевны. Что ж, пусть пишет. Надо только серебряные ложечки из открытого буфета в гостиной куда-нибудь понадежней переместить. А на подлость посерьезней подобные девицы и не способны.

Фаина Марковна уже собралась поблагодарить *высшие силы* за помощь и повернуться к видению спиной – как вдруг случайно глаза встретились с глазами девицы из зеркала... И экономка отчетливо услышала ее противный, довольно писклявый голос:

– А ведь ты ее даже похоронить не сможешь.

Фаина Марковна вздрогнула, отшатнулась – а видение в зеркале тут же начало таять, рассыпалось на куски. И как ни молила высшие силы экономка, как ни пыталась вернуть отражение злосчастной девицы – ничего у нее не получилось.

Но и так ясно: речь шла о страшном.

Экономка еще долго стояла перед потухшим зеркалом в спальне. Сердце ее переполняла тревога.

Она, конечно, не имеет права идти против хозяйкиной воли. И от писательницы в доме теперь никуда не деться. Что ж: обиходим, накормим, взлелеем.

Но только глаз с девицы спускать нельзя.

Глава 2

Таня

Два часа на самолете. Почти час – на машине. И потом – еще сорок минут на смешном джипе-внедорожнике с огромными колесами. Не самый длинный путь. В Новую Зеландию, где однажды снимали ролик, добирались куда дольше.

Но едва ступила на территорию особняка Холмогоровой, сразу возникло стойкое ощущение: край света.

Хотя сам дом выглядел вполне современно. Выстроен из белого, как по сию пору модно в южных краях, кирпича. Крыша пижонская – из чистой меди, и медные же водосточные трубы. Массивная, будто в крепости, входная дверь, тройные стеклопакеты окон. Обычный новорусский понт. Прилегающая территория тоже вполне вписывалась в буржуазные стандарты: аккуратно подстриженные газоны, ухоженные деревья, потемневшая от времени (явно – искусственно состаренная) бронзовая беседка...

Безусловно, роскошное поместье. Но – видывали и побогаче.

Только одно дело построить подобный дом в ближнем Подмосковье, и совсем другое – высоко в горах. Куда даже на машине не проедешь, только на внедорожнике.

«Тут у нас больше полутора тысяч метров над уровнем моря, – важно сообщил ей шофер. – И свой собственный мир».

Страшно даже подумать, в какую сумму хозяйке обошлось строительство этого мира. Чтобы только коммуникации протянуть, наверное, миллионы вылетели.

Впрочем, ее деньги – ее дело. Таню другое беспокоило. Более-менее приличная дорога закончилась в Красной Долине, в ближайшем к особняку поселке. Там Садовникову вместе с ее дорожной сумкой пересадили из представительского «мерса» на вездеход. И едва тронулись по крутейшей горной тропинке, как Танин мобильник издал жалобный писк. Она взглянула на дисплей и прочитала: «Поиск сети...» Что за ерунда? Аппарат в роуминг, что ли, не вошел? Денег на счету достаточно. Выключила аппарат, снова включила, потрясла – по-прежнему вне зоны приема.

Шофер взглянул в ее удивленное лицо и хмыкнул:

– Не терзай технику. Мобильники здесь не берут.

– В смысле – московские? – не поняла она. – Местную симку, что ли, надо покупать?

– В смысле – никакие, – пожал плечами тот. – Только спутниковые.

Да ей же без мобильного хуже, чем без рук! И мама с отчимом будут волноваться, и на работе осталась парочка проектов, ход которых надо контролировать хотя бы по телефону...

Ничего себе, забралась в глушь! Ни нормальной дороги, ни связи. Антон-то Шахов, подлец, когда живописал яркими красками ее будущую счастливую жизнь в особняке Холмогоровой, о таком сюрпризе даже не упомянул.

Впрочем, Таня была оптимисткой и тут же постаралась себя утешить: «Зато – ближе к природе. Без телефона, без машины, но с этими, как их, орлами! Класс!»

Но хоть и глушь, а спальня, куда ее привела вежливая, вышколенная горничная, выглядела похлеще, чем в самом крутом отеле: дубовый паркет, обитые тканью стены, бархатные портьеры, пушистый ковер на полу. Антикварная (или как минимум под старину) мебель. Личная ванная комната с идеально чистой сантехникой. И если в гостиницах, даже самых дорогих, всегда можно найти изъян, какую-нибудь зеленую картину на желтых обоях, то здесь придраться оказалось не к чему. Идеальная, розовая с красным, цветовая гамма, и

предусмотрены, кажется, все мелочи – вплоть до позолоченного рожка для обуви у входа в комнату. Но телефон, особо предупредила горничная, только местный.

– А если мне надо позвонить в Москву?

– Только со спутникового. Он у Марины Евгеньевны в кабинете, – вздохнула прислуга.

Понижила голос и добавила: – Мне ни разу не разрешила...

Ох, интересную жизнь ведет госпожа Холмогорова!

Тане всегда нравились необычные люди, и сейчас она сгорала от нетерпения: как, интересно, работодательница выглядит вживую?

Конечно, видела немало ее фотографий в Интернете, и все они изображали очень холеную, хотя и несколько полноватую даму. Гордо вскинутая голова, всегда массивные серьги в ушах, цепкий взгляд стальных глаз, безупречный, будто художник картину писал, мэйк-ап... Единственное, к чему бы Садовникова придралась: слишком уж солидно. Старит ее подобный имидж. Хотя и морщин нет, и шея не дряблая, но выглядела Марина Евгеньевна во всем своем статусном оперении лет на пятьдесят. На самом же деле ей всего-то сорок два. Впрочем, бизнес-леди подобного ранга, наверно, и должны смотреться величаво. Чтобы все боялись...

– Ужин у нас в девять вечера, – тем временем сообщила горничная. – Столовая на первом этаже. Одеться можно неформально.

«А я *формальных* костюмов с собой и не брала», – хмыкнула про себя Садовникова.

Впрочем, ее зеленые бриджи и простецкая ковбойка в мелкую клетку оказались почти вечерним нарядом. Потому что хозяйка вышла к столу в спортивном костюме. Дрянном – синтетическом, с лампасами на штанах. Таня еле удержалась, чтобы рот от удивления не разинуть.

«Может, я отстала от жизни, – мелькнуло у нее, – и это какая-нибудь самая последняя модель от „Джуси Кутюр“?»

Присмотрелась повнимательней: нет, обычный китайский «Адидас». К тому же в пятнах от краски. Ну и ну! Вот тебе и бизнесменша, входящая в топ-десятку! Да еще и лицо абсолютно без макияжа, и волосы растрепаны, а под глазами тени залегли. Обычная тетка-неудачница. Подобных – уставших, неприбранных – в стране миллионы. «Раз она хочет свой кредит доверия повисить, ей нужно разок в *таком* виде для прессы сфотографироваться, – подумала Татьяна. – Сразу популярность взлетит до небес».

Только и выдавали бизнесменшу-миллионершу властный, холодный взгляд да крепкое, будто у прораба, рукопожатие:

– Рада, Таня, что вы приехали. Ну, к делу...

В огромной, метров шестьдесят площадью, столовой они были одни. Горничная заглянула лишь на минуту. Быстро налила вино, внесла уже наполненные тарелки и удалилась. И Холмогорова сразу начала вещать – никаких тебе якобы принятых в богатейских кругах правил, что за едой серьезные разговоры не ведутся.

Таня грустно взглянула на роскошную свиную отбивную и пышущую жаром молодую картошку. Она считала неприличным жевать и одновременно слушать хозяйку. Придется сидеть голодной – и вежливо кивать.

Сама же Холмогорова, нимало не смущаясь, заговорила с набитым ртом:

– График у меня жесткий, специального времени на книжку я себе позволить не могу. Вам придется под меня подстраиваться. Когда возникнет окно, тогда и будем работать. Хоть в два ночи, хоть в семь утра. Вас это не смущает?

Садовникова только кивнула – к ненормированному рабочему дню она привыкла. И быстрым движением отправила в рот молодую картофелинку. Постараемся прожевать незаметно...

– Работу будем строить так: я рассказываю, вы – пишете на диктофон. Потом самостоятельно обрабатываете и главу за главой скидываете на компьютер в моем кабинете. На главу – два дня. Справитесь?

Таня сделала сдержанный глоток приятного, терпкого вина и вновь склонила голову:

– Справлюсь. Только было бы разумней... Если вам предстоит длительная поездка – допустим, час туда, час назад, – берите меня с собой. Будем разговаривать в машине. Сэкономим немало времени.

– Здорово, – похвалила бизнесменша.

«А у меня хотя бы появится возможность из твоего замка вырываться», – порадовалась про себя Таня. И ловким движением ножа (к счастью, тот оказался острым) расчленила отбивную.

Дальше последовали детали. Холмогорова высказала пожелания к стилю и слогу своей автобиографии. Предупредила, что некоторые данные и фамилии придется уточнять в Интернете или даже в архивах. Тонко улыбаясь, заметила:

– Ну и, конечно, кое-что вам додумывать придется. И... приукрашивать. Вы понимаете, о чем я?

«Еще б не понимать. Напиши ты все о своем бизнесе честно – мигом налоговая заявится. Это как минимум».

– И главное... – посуровела бизнесменша. – Строгая конфиденциальность. Все свои мысли, идеи, планы – держать строго при себе. О том, чтобы с журналистами не общаться, я даже не предупреждаю, и так, надеюсь, ясно. Но – никаких разговоров обо мне ни со своими друзьями-родственниками, ни с моими. Ни, тем более, с персоналом. Одно замечание – сразу уволью.

Таня нахмурилась. Она все же не девочка! И по должности творческий директор, не привыкла к подобному тону. Но вспомнила про аванс, про пятьдесят тысяч евро, приятно отяготивших кредитную карточку, и промолчала. Лишь грустная мысль мелькнула: «А ведь я, похоже, в трусливую бюргершу превращаюсь. Еще лет пять назад ни бога, ни черта не боялась, а теперь готова за пятьдесят тысяч евро в рот смотреть да кивать».

Впрочем, сама виновата, что столько кредитов набрала. Вот теперь и приходится расплачиваться. В том числе морально.

«Ладно, привыкну, – беззаботно подумала девушка. – Не зря маман говорит, что надо мной нужна сильная рука... А если совсем уж хамить шефиня начнет – сама увольюсь. Аванс-то все равно при мне останется!»

Холмогорова же тем временем подытожила:

– Тогда мы договорились.

И, повысив голос, позвала:

– Фаина!

В столовую тут же, будто под дверью дежурила, вкатилась шустрая сухонькая особа. Лицо в морщинах, глаза вострые, руки натруженные. Похоже, экономка.

– Это Фаина Марковна, домоправительница и моя правая рука, – коротко представила Холмогорова. И велела: – Подавай десерт и приглашай остальных.

Женщина кивнула и бодро кинулась вон – исполнять. На гостью едва взглянула, но у Тани создалось ощущение, будто сканировала ее всю, а теперь будет оценивать и изучать. Подумалось с неприязнью: «Наверняка и в моих вещах станет рыться».

Пока она разглядывала домоправительницу, из-за спины горничная подкралась. Молча стянула со стола тарелку с почти нетронутым ужином. Вот тебе и роскошная жизнь: поесть с дороги – и то не получилось!

В столовую же, повинувшись приказу всесильной Холмогоровой, начали вливаться *остальные*.

Возглавлял процессию плохо выбритый, суетливый мужчина. Лицо блеклое, невыразительное. И взгляд забитый. Только жилетка от «Пол энд Шарк» да золотые часы на запястье принадлежность к богатому дому и выдавали.

За ним следовала черноглазая, вертлявая девица в эпатажных кожаных штанах и лакированных туфлях на шпильках. Замыкал процессию уже знакомый Тане Антон Шахов – в очередном дорогом костюме, но куда менее самоуверенный. И «хэндс-фри» из уха уже не торчал.

– Мой муж Игорь Феокистович, – кивнула на суетливого мужчину хозяйка дома. В ее голосе прозвучало плохо скрываемое презрение. – Мой секретарь Нелли, – небрежно взмахнула рукой в сторону девицы. – Ну, и с Антоном вы уже знакомы.

«А где же сын?» – удивилась Татьяна.

Она, конечно, читала в Интернете, будто отпрыск у Холмогоровой – юноша со странностями. Ведет чрезвычайно скрытный образ жизни, из дома почти не выходит. Как ни стараются папарацци, еще ни разу нигде не подловили. Но неужели он даже питается отдельно?

Однако спрашивать не стала. Приживется здесь – сама поймет. Позже.

Горничная тем временем подала десерт. Яство, как и в случае с горячим блюдом, оказалось единственным – мороженое, украшенное взбитыми сливками и малиной.

«А ведь обычно у богатеев несколько блюд на выбор, – мелькнуло у Садовниковой. – Получается, Холмогорова экономит? Или просто считает, что все должны жрать только то, что ей самой нравится?»

Если так, то грустно. Таня ничего не имела против свиных отбивных или мороженого, но вдруг к трапезе подадут, например, ненавистные голубцы? Или самое, еще с детства, страшное – манную кашу?

Но опять паниковать не стала. Весело решила: «Ну и ладно. Буду тогда на внедорожнике вниз, в Красную Долину, гонять. За чипсами и пивом». И отдавала должное очень приличному, с восхитительным запахом свежего молока, мороженому. Но едва успела отправить в рот пару ложечек, как Холмогорова разразилась новой речью:

– А теперь, Таня, я хочу познакомить вас с нашими внутренними правилами. Первое. Отбой у нас в двадцать три ноль-ноль.

Садовникова едва не поперхнулась. А бизнесменша проигнорировала ее изумленный взгляд и продолжила:

– Ходить по особняку можно, в крайнем случае, до полуночи. Но после нуля часов и до шести утра из своей комнаты – ни ногой.

Тут уж Татьяна не удержалась. Изумленно выдохнула:

– Но почему?..

Фаина (надо же, всего лишь экономка, а сидела вместе со всеми за хозяйским столом) метнула на гостью неприязненный взгляд. А холмогоровский муж наоборот – усмехнулся. Вроде как посочувствовал.

– У меня очень чуткий сон, а в доме – хорошая слышимость, – отрезала Марина Евгеньевна. И добила: – В любом случае, наши правила не обсуждаются.

– Ладно. Значит, будем ночью спать, – беззаботно улыбнулась Татьяна, хотя на душе у нее было совсем не весело. Во-первых, противно разным дурацким порядкам подчиняться. А во-вторых – даже немного страшно становится... С чего бы такие строгости?

Наверное, и лицо у нее стало перепуганным. Потому что в разговор неожиданно вмешался хозяйкин муж. Неуверенно, будто его наказать могут, улыбнулся гостье и произнес:

– Но если вдруг ночью... вам захочется чаю или, скажем, глоток рома, вы всегда можете позвонить горничной. Вашу просьбу исполнят.

«Ой, чудеса тут у них!» – еще больше удивлялась Таня.

А бизнесменша наградила своего благоверного уничижительным взглядом и продолжила:

– Далее. Завтрак у нас в семь утра. Ланч – в полдень. Обед – в пять. И ужин, как сегодня, – в девять вечера. Присутствовать за столом обязаны все. Никакие отговорки не принимаются.

Ну и ну... Татьяна продолжала изумляться. Просто концлагерь какой-то! И что ей прикажете делать? Молчаливо все идиотские правила признать?!

– А если я не хочу есть? – поинтересовалась, не удержавшись.

– Значит, спуститесь к столу и просто посидите, – отрезала бизнесменша.

– Хотя бы соку выпьете. Или, может, салатик... – вновь попытался сгладить резкость жены супруг. И опять нарвался на презрительный взгляд стальных глаз.

– Игорь, не лезь, пожалуйста, в мои дела, – приструнила мужа Марина Евгеньевна.

И тот послушно склонил голову, уткнулся в свою тарелку. Однако Таня успела перехватить его взгляд, брошенный на жену, – далеко не любовный.

«А ведь наверняка придется писать про семью Холмогоровой. Про ее заботливых, преданных домочадцев... – мелькнуло у Татьяны. – Да уж, непростая задачка. Впрочем, потому, наверное, меня на роль биографа и пригласили. Я ведь профессионал. Из любой фигни конфетку сделаю...»

С правилами наконец было покончено. Холмогорова взялась за мороженое. Таня (у нее аппетит, наоборот, пропал) отодвинула свою тарелку. Украдкой оглядела столовую. Обстановочка не из приятных. Если не сказать – зловещая. За окном крошечная тьма, здесь, в трапезной, тоже сумрачно, углы комнаты тают во мраке. А за столом – пять человек, и все молчат. Звон ложечек и завывание ветра... У них что, так заведено? Говорит только хозяйка, а остальные – едят да слушают?

И Таня, светски улыбнувшись, произнесла:

– Хотелось бы мне знать, что здесь будет через шесть лет...

Она имела в виду, что сейчас разговор свернет на вполне актуальную тему – грядущую Олимпиаду, но, похоже, промахнулась. Потому что экономка вновь недовольно скривила губы, хозяйкин муж склонил голову еще ниже. Антон же бросил быстрый взгляд на Холмогорову. Та ответила подчиненному легким кивком. И тогда Шахов, тщательно подбирая слова, произнес:

– Я понимаю, Татьяна, вы намекаете на Олимпиаду... Но дело в том, что все строительство будет в поселке, в Красной Долине. А наши места – в запретной зоне. Здесь строить запрещено. Так что грандиозное мероприятие нас, я надеюсь, не коснется.

– У нас тут вообще заповедник, – встряла в разговор затянута в кожу Нелли. – Горные козы вот набежали. Шустрые, но безмозглые.

И секретарша глумливо подмигнула Татьяне.

«Острил *девушка*, – поняла Садовникова. – Ну и пусть. Не пререкайся же с ней – на глазах у хозяйки».

Промолчала – и разговоров больше не заводила. Паинькой сидела на своем стуле. Потому что, кажется, вставать из-за стола, прежде чем это сделает хозяйка, здесь тоже запрещалось. По крайней мере, Антон уже давно покончил с мороженым, но продолжал терпеливо скоблить ложечкой по пустой тарелке.

Наконец с десертом разделалась и Холмогорова. Демонстративно взглянула на часы:

– Ого, почти десять. Я пошла спать.

И решительно встала.

– Спокойной ночи, Марина Евгеньевна! – верноподданнически проблеяла Фаина Марковна. – Ваша спальня уже проветрена, я приказала...

Хозяйка обернулась к секретарше, потребовала:

– Мой график на завтра!

Кожаная Нелли немедленно вложила ей в руку отпечатанный на принтере листок.

– Машину к восьми утра, – приказала Холмогорова уже Антону.

– Будет сделано, – браво откликнулся помощник.

– А сейчас – все отдыхаем.

Хозяйка выразительно взглянула на Татьяну, и та еле удержалась, чтобы не выкрикнуть: «Слушаюсь!» Утешила себя: «Приказ *отдыхать* – не самый страшный». И отправилась в спальню.

В ее временных владениях, конечно, никто не проветривал, и в комнате оказалось душно и затхло. Кондиционер Таня включать не стала – недавно вычитала, что слишком кожу сушит. Распахнула окна, пустила в спальню горный воздух. Он оказался ледяным и каким-то липким. Да еще и непонятные твари снаружи ухали – совы, а может, и нечистая сила. В сочетании с завыванием ветра создавалось полное ощущение: ты где-то в страшной глуши. И случись что – никто тебе не поможет.

«Да что здесь может случиться? – уговаривала себя Татьяна. – Трехметровый забор. Охрана. А внутри – милые, интеллигентные люди...»

Но все равно: неприятно, когда ты *без машины*. А Садовникова уже лет десять не ставалась с личным автомобилем... если только не считать Мальдивы... и плавание с морским чертом... и тот день, когда она бросила своего любимого незабвенного «пежика» на набережной в Южнороссийске и уплыла без него в Стамбул... а потом улетела в Париж¹... Да и с мобильником она неразделима столько же лет. А теперь на дисплее маячит единственная жалкая черточка – то есть телефон практически вне зоны действия сети. Во попала!

А ведь все, кому она хвасталась, что уезжает в горы, сразу начинали завидовать. И рисовали ей заманчивые перспективы: духом, мол, омолодишься, и морщины разгладятся, и засыпать ночью будешь за минуту... Однако дух – по крайней мере, после первого вечера в поместье Холмогоровых – пребывал в состоянии самом угнетенном. И выглядела она, как свидетельствовало зеркало в ванной, совсем не лучшим образом. Понятно, конечно, что утомилась, но слишком уж бледная. И вокруг глаз проступили противные мелкие морщинки.

«Что у меня за жизнь... – тоскливо подумала Садовникова. – Не девочка уже – а никакой стабильности. Лечу куда-то, мчусь, участвую в непонятных проектах... За каким, извините, бесом я согласилась писать эту биографию?! Тоже мне, Жорж Санд...»

Таня всегда считала, что может справиться с любой задачей. Но сейчас, устав с дороги, да в незнакомом доме, да в окружении не самых приятных людей вдруг в своих способностях засомневалась.

Сейчас бы выйти во двор, выкурить сигаретку... Но было страшно – комендантский час ведь уже наступил. Оставалось только принять душ и завалиться в постель.

Но как ни надеялась она, что провалится в сон мгновенно, а ничего не вышло. Просто свинство: тело уставшее, мысли плавают, физиономия бледная – организм же отключаться не желает. И чем его уговаривать – непонятно. Снотворное Татьяна не жаловала, предпочитала безопасные способы, вроде мятного чая или настоя валерьянки. Но хотя в ее комнате и роскошно – а чайника нет.

Помнится, хозяйкин муж что-то про круглосуточную горничную говорил? Та якобы может в любое время суток чай подать... Действительно, что ли, позвонить? Да ну, неудобно. Подумают: не успела приехать, а уже барствует. Надо попробовать уснуть самой. Можно, например, под телевизор – благо очень удобно: огромный экран «плазмы» располагался как раз напротив постели.

¹ Подробнее об этих приключениях Тани Садовниковой читайте в романах Анны и Сергея Литвиновых «Вояж с морским дьяволом» и «Все девушки любят бриллианты», издательство «Эксмо».

Садовникова включила ящик – и сразу же нарвалась на фильм ужасов. Милейшая сцена: двое вампиров упоенно сосут кровь из шеи еще вполне живого человека. Пока Таня разбиралась с незнакомым пультом, чтобы переключиться на другой канал, ее едва не стошнило. Но на остальных каналах кабельного TV тоже ничего успокаивающего не нашлось. Сплошные драки, выстрелы, жесткая эротика. И даже на спортивном канале бои без правил.

Татьяна неинтеллигентно ругнулась и вырубил телик. И снова окунулась в зловещую, как только в горах бывает, тишину. Лишь завывание ветра да переключки ночных птиц... Вот тебе и отдых: уже полночь, а она не спит. Нервы совсем расшатались. А теперь кажется, будто кто-то под дверью затаился. Стоит, сопит... Глюк? Нет, точно: зашуршали, удаляясь, шаги. Что за дела?!

Таня поспешно накинула халатик, отомкнула дверь и выглянула в коридор. Но успела разглядеть лишь расплывчатую, тускло освещенную лунным светом, фигуру, спешно двигавшуюся по направлению к лестнице. Кажется, то была женщина. В широком пеньюаре. И почему-то со свечой в руке – хотя с электричеством в особняке проблем не было, и выключатели во всех коридорах расположены удобно, как раз под рукой.

Таня поняла одно: по коридором бродит явно не хозяйка – фигура слишком миниатюрна. Но как же тогда быть со словами Марины Евгеньевны, что ночами по особняку разгуливать *нежелательно*? И любые просьбы, буде они появляются в промежутки между полуночью и шестью утра, нужно адресовать ночной горничной? Может, кстати, эта та самая ночная горничная и была? Но почему в пеньюаре? И со свечой?

У Тани даже искушение возникло: может, раз на запреты хозяйки *разгуливать по ночам* здесь плюют, отправиться вдогонку? Нагнать фигуру, полюбопытствовать, кто и куда отправился? А заодно – выйти во двор и отравить пресловутый горный воздух сигареткой?

Она уже почти решила так и сделать – да из распахнутого окна вдруг донесся пронзительный, жалобный визг. И понятно вроде, что обычное на природе дело – мышка или иная мелкая тварь в когти филина попала, но Таня все равно вздрогнула. В Москве-то она совсем к иным ночным звукам привыкла. Городским. Под окнами ее квартиры то машины газовали, то подвыпившие граждане песни пели. И она еще недовольна была, хотя на самом деле куда приятнее, чем шорохи и шепоты ночного сада в горах.

Страшно здесь.

И воздух пахнет совсем не свежестью – могильной влагой.

Беркут

Даже в самом страшном сне не мог он увидеть, что Юля, его Юля, погибнет такой юной. Беркут думал, они будут вместе, проживут так хотя бы лет пятьдесят, и жил ради нее.

Хотя со стороны, конечно, выглядело глупо: с золотой медалью да светлой головой ему надо было после школы в Москву ехать. Безо всяких преподав в любой бы вуз поступил, кроме, может быть, особо блатных МГИМО или Института европейских языков. Да еще и с карате у него все шикарно шло – и побеждал, и в клубах показательно дрался. С такими успехами, говорили знающие люди, он бы не только российскую столицу мог покорить. Уже на первом курсе спокойно подал бы на штатовский грант и укатил себе в сытую, спокойную Америку. Америкашки обожают, когда и отличник, и спортсмен сможет от какого-нибудь захолустного *Univercity of Montana* и на интеллектуальные олимпиады ездить, и в соревнованиях побеждать.

Но Беркут поступил иначе: на институт наплевал и остался в Сочи. Можно и здесь прожить. Особенно если нужных людей знаешь да, забыв про гордыню, нос не воротишь, а смиренно просишь у них о помощи. Вот и получилось: того в ресторан сводил, другого конвертиком порадовал, третьего на свой показательный бой в ночной клуб позвал – и готово дело, собственное охранное агентство в кармане. Все чин чинарем: с офисом, секретаршей, компьютерами... А главное – с серьезными клиентами.

И пусть он пока что передвигается на скромном «Фольксвагене», а золотую цепь и вовсе не носит, считает бессмысленной тратой денег, но перспективы у его бизнеса весьма радужные. Пару удачных дел провернет – появится и «мерс», Юлькина мания, в гараже. А бриллиантики, хоть скромные, по четверти карата, он ей и сейчас уже покупает.

Только Юлечка тоже на месте не сидит – карьеру делает еще похлеще его. Все серьезней контракты, все лучше гостиницы в заграничных поездках... Правда, когда возвращается в Сочи, первым делом звонит ему, Беркуту. И бредут они вместе, как в милые школьные времена, по набережной, и девушка щебечет без умолку, и тем же острым взглядом оценивает одежды и украшения на прохожих.

Ну да, Беркут у нее всего лишь поклонник, а в официальных бойфрендах числится жутко богатый и жутко противный толстяк, но все равно, как говорится, динамика положительная. Пройдет еще пара лет, не сомневался одноклассник, и ему удастся покорить ее окончательно.

Если бы не последний их разговор...

Беркут всегда чутко, безошибочно чувствовал Юлино настроение. Когда той хотелось посмеяться – веселил анекдотами, а тянуло девушку на сентиментальность – читал Тютчева и сонеты Шекспира, благо стихов в голове еще со школы болталось немало. И терпеливо все ее жалобы выслушивал, и советы давал, коли просила.

А тут вдруг болтали-болтали, хорошо так, дружно, а Юлечка вдруг выдает:

– Ох, Миха... Ты еще такой ребенок!

Явно не в тему заявление. Но Беркут не растерялся, хмыкнул:

– Так радуйся. Молодые нынче в моде. В ночной клуб, где я дерусь, тетки косяком прут. Старые, за сорок. И немалых денег уже, кстати, предлагали, чтоб я с ними переспал.

Ожидал, что Юлечка рассмеется, начнет расспрашивать, как тетки выглядят и сколько давали денег, но она лишь поморщилась:

– Тебе бы только хохмить. Впрочем, что с тебя взять – каратист...

– Цени, глупая! Да и где ты встречала каратиста, чтоб Петрарку тебе читал?

– Надоел мне твой Петрарка, – махнула она рукой. – И вообще, твои стихи... они не от души, вот.

– Это как понять?

– Ну... какая-то струна должна в душе звенеть... понимаешь? А у тебя не звенит. Ты просто... цитируешь.

Беркут безошибочно определил: Юлька сейчас говорит с чужих слов. И потребовал:

– А ну, колись. Кто тебе про ту *струну* лапши навешал?

– Один человек, – загадочно вздохнула подруга. И грустно добавила: – Не то, что ты. Состоявшийся. Взрослый. Цельный.

Цельный... С ума сойти! Явно какой-то хлыщ.

Но больше Юленька, как ни пытал, не рассказала ничего. Беркут же серьезно беспокоился. Потому что одно дело туповатый бык на «мерсе» с деньгами – он явление временное, не конкурент. И совсем другое – какой-то дедок, который разными *струнами* мозги ей пудрит.

– Смотри, Юлька, – на всякий случай остерег Беркут, – цельные-то только того и ждут, как бы в постель прыгнуть. А потом – ариведерчи.

– Да что б ты понимал! – разозлилась она. – У нас с ним полная гармония! А о постели и речи нет!

Ох, как грамотно ее обрабатывают...

Только бы не влюбилась! Потому что любовь, да еще ко взрослому балаболу, ее убьет. Это Беркут своим безошибочным чутьем хищника ощущал.

И не зря боялся: чутье не подвело.

Юля, его богиня, была мертва.

Таня

Уснула она в итоге только в два, когда водрузила на ухо подушку. И проснулась к семи утра, к завтраку, сильно не в духе.

За ночь комната – окна так и остались открыты – напилалась горной сыростью. Таня, пока дошлепала до ванной, успела замерзнуть до костей. Еще и горячая вода – о, приближенная к природе горская жизнь! – пошла не сразу.

Впрочем, сейчас ее раздражало буквально все: и роскошная, но совершенно чужая ванная, и собственное усталое лицо, отразившееся в намытом до блеска зеркале, а пуще всего – дурацкие правила, принятые в особняке. Кофе в комнату не подают – ладно, не баре, сами дойдем до кухни, но почему нужно обязательно являться к общему столу, да еще в несусветную рань?! С каким бы удовольствием она подремала хотя бы до десяти...

Тем более что сама хозяйка к завтраку не вышла. Зачем тогда трепаться о «незыблемости местных порядков»?

Муж к столу тоже не появился. И сын своим присутствием опять не почтил (да существует ли он вообще, этот наследник империи?!). И Антона Шахова не было. А экономка Фаина скорбно сообщила Татьяне, что на ногах уже с пяти утра и позавтракала давным-давно.

Вот и пришлось сидеть за огромным столом в компании с одной лишь хозяйкиной секретаршей, Нелли.

И та, кажется, не выспалась. По крайней мере, пребывала в самом неласковом расположении духа. Встретила Садовникову неулыбчиво, вместо приветствия буркнула что-то нечленораздельное. Уж не она ли, подумала Таня, ночью разгуливала по дому – в пеньюаре и со свечой в руке? А что, фигура вроде похожа...

И Садовникова, не чинясь, поинтересовалась:

– Нелли, это не ты сегодня ночью по особняку бродила?

Хозяйкина секретарша отреагировала странно. Для начала молча отодвинула тарелку. Сняла с колен салфетку, метнула ее на стол. И лишь потом ледяным тоном спросила:

– *Вы* мне задали какой-то вопрос?

Укорила, получается, что Таня к ней на «ты» обратилась. А почему, собственно, и нет? Нелли – явно ее ровесница или даже помладше. И они обе в доме Холмогоровой – наемные сотрудницы, а значит, коллеги.

– Да, Нелли. Я вас спросила, – не менее холодно ответствовала Садовникова, – не вы ли (она саркастически выделила вежливое обращение) сегодня ночью шлялись по дому?

– Не смейте разговаривать со мной в таком тоне! – взвизгнула девица.

И, громко стуча совсем неуместными в столь ранний час каблуками, выскочила из столовой.

Таня недоуменно посмотрела ей вслед. Пробормотала себе под нос:

– Что это с ней?

И вдруг услышала:

– Просто завидует.

Вскинула глаза. Холмогорова! Ишь ты! Кабаниха килограммов на сто, а в столовую совсем неслышно прокралась.

– Доброе утро, Марина Евгеньевна, – вежливо поздоровалась Садовникова. И продолжила тему: – А с чего бы Нелли мне завидовать?

– А вы коллеги, – усмехнулась Холмогорова. – Она – председатель местного клуба литераторов. Ведет литературную страничку в «Волне», нашей местной газете. Регулярно

отсылает свои вирши к вам, в столицу. – Марина Евгеньевна с легким презрением улыбнулась. – Но, по-моему, их не печатают.

Таня взглянула на бизнесменшу и констатировала:

– Как я понимаю, Нелли хотела, чтобы свою биографию вы поручили писать именно ей. Верно?

– Ох, Таня... – поморщилась та. И вдруг добавила: – Если б вы только знали, как мне это надоело! Когда все от тебя чего-то хотят!

«Почаще бы сбивать с нее официальный кокон, втягивать в обычный, человеческий разговор...» – подумалось Татьяне.

И она с улыбкой предложила:

– Налить вам кофейку?

Но Холмогорова уже опять заледенела и отрезала:

– Кофе мне подаст Фаина. А вас, Татьяна, я через десять минут жду в бассейне. У меня есть полчаса. Поработаем.

Ничего себе! Тут, оказывается и бассейн имеется...

Впрочем, наемной писательнице Садовниковой поплавать не удалось. Марина Евгеньевна сильным брассом рассекала от бортика к бортику, а Таня с диктофоном в руках терпеливо ждала у кромки, пока бизнесвумен соизволит обратить на нее внимание. А мысленно насылала на свою новую работу страшнейшие проклятия.

Наконец Холмогорова, подняв целую тучу брызг, вылезла из воды. К ней тут же кинулась верная Фаина, набросила на плечи полотенце, тихо прошелестела:

– Массажист вас ждет.

Эх, ну и жизнь! Роскошный особняк, бассейн, массаж...

– Идите за мной, Таня, – между тем бросила Холмогорова.

Будто собачку позвала.

Но пришлось повиноваться. Обе вошли в примыкающую к бассейну очень светлую, с огромными окнами, комнату. Навстречу поднялся мужчина – мускулистый, подтянутый, в белоснежном халате. Холмогорова коротко кивнула ему и, абсолютно не смущаясь, сбросила на пол купальник. Таниному взору явились обвисшая грудь и неухоженный лобок.

«Эх, почему я не папарацци?! – залетела Садовниковой в голову непрошенная мысль. – Сфотографировать бы ее сейчас, эту топ-десять бизнесменшу! Больших бы денег за карточку заплатили».

Таня тактично отвела взгляд, а исполнительная, маячившая позади Фаина немедленно подхватила с пола мокрый купальник и прокаркала:

– Я прогрею халат и подам вам через тридцать минут.

– Хорошо. – Марина Евгеньевна отпустила халдейку милостивым кивком. Взгромоздилась на массажный стол и обратилась к Садовниковой:

– Ну, поехали. Начнем от печки. Я себя помню лет с трех...

* * *

Их семья считалась неблагополучной. Не до такой, конечно, степени, когда отца с матерью лишают родительских прав, а детей отправляют в детдом, но папаша всегда зашибал. Буйнил. Выносил из дому все, что менялось хотя бы на треть бутылки водки. Бил мать. Выгонял на мороз дочку...

Едва Марине исполнилось семь, папашу посадили. Когда зачитали приговор и взяли его под стражу прямо в зале суда, мать зарыдала. Заплакала и сидевшая рядом маленькая Маринка.

– Что наделали, изверги! Семью разрушили! – обратился папаня к судье. – Как они теперь без меня будут?

– Как без тебя будем?! – истерически расхохоталась мать. – Да людьми себя наконец почувствуем!

Судья, растеряв всю свою беспристрастность, покачал головой. А осмелевшая мать выкрикнула:

– Чтоб ты там вообще сдох, паразит!

Марина заплакала еще горше.

Когда вернулись домой, мать немедленно взялась за уборку. Два дня вылизывала их загаженную комнату: выстирала шторы, оттерла полы, надраила окна... И пообещала дочке:

– Ох, и заживем мы с тобой, Мариночка! Ох, заживем...

Но только не очень-то получилось. Никакого образования у Мариной мамы не было, работала она в детском саду посудомойкой, получала семьдесят рублей тогдашних, застойных, денег, ну и кое-что из продуктов удавалось вынести. А с дочкой странная вещь приключилась. Пока жили с папашей, словно на пороховой бочке, ничто ее не брало. Однажды зимой в одной легкой кофточке от батяниного гнева на балконе пряталась. Другой раз он ее головой об стену приложил за то, что заревела не к месту. А уж сколько приходилось во дворе пережидать, в любую погоду, пока родитель перебесится, и не счесть. И ведь вот удивительно – даже не чихнула ни разу. А когда началась спокойная жизнь, вдруг раскисла. Чуть ветерком обдует – немедленно ОРЗ. В переполненном трамвае проедет – грипп. Искупались с подружками в речке – тем ничего, а Маринка почки застудила.

Мама только и делала, что вызывала врача и сидела с ней на больничном. А когда все же оказывалась на работе – волокла из садиковской столовой продукты в двойном размере. Ведь дочке для поправки здоровья и фрукты нужны, для витаминов, и творог, для кальция, а пуще всего, чтоб окрепнуть, – мясо...

Посудомойка, конечно, профессия дефицитная, но в конце концов даже сердобольная заведующая не выдержала – уволила. А на новую работу – не брали. Поселок-то маленький, все знали, что у Холмогоровой дочка хвора, а кому нужен сотрудник, который все время будет на больничном сидеть?

Вот мама, чтоб с голоду не опухнуть, и придумала: надо уехать в город, где их никто не знает. Маринкины доктора посоветовали на юг податься, в теплый климат. Так они оказались в Краснодарском крае, в приморском городке N. Маме удалось устроиться дворничихой. Зарплата опять копейки, зато комнату выделили – в подвальчике, рядом с подсобкой. Но туалет имелся. И даже раковина.

В городке действительно было тепло – и солнце раскаляло асфальт, и горячие ветра дули с моря. Правда, в их подвал светило сроду не заглядывало, сырость там стояла такая, что на стенах постоянно мокрицы были, с ними даже и не боролись. Маринке бы в таких условиях еще пуще разболеться, но она вдруг, опять против всякой логики, начала крепнуть. Дома только в калошах ходить можно, потому что всегда мокро, и даже двухжильная мама кашлять начала, а дочке – хоть бы что. Может, конечно, потому, что в подвальчик девочка только ночевать приходила, а все остальное время болталась на улице.

Двор у них оказался изумительный. Имелись тут ветхие, но восхитительно опасные качели, пара плодоносящих шелковиц и гаражи – по их крышам было очень весело бегать или прыгивать вниз, на кучи листьев. А дом оказался еще интереснее: девятнадцатого века, красного кирпича, в нем раньше фабрика располагалась. В те времена умели строить: подвалы, чердаки, переходы, пристройки, лесенки – только броди!

Красный, как его называли, дом был в их городке весьма популярным, не сравнить с безликими хибами времен Хрущева и Брежнева. Потолки – под четыре метра, кухни про-

сторные, и почти во всех квартирах по два балкона. Да и расположен в самом центре: в одну сторону – два шага до моря, а если пойти в другую – через пять минут на главной улице окажешься.

Люди жили здесь, разумеется, непростые. Не городское, конечно, начальство – у тех своя резервация была, кирпичная новостройка, в двух шагах от райкома, – но тоже народ серьезный. Главный врач городской больницы, заместитель директора универмага, преподаватели единственного в городке вуза... Ну, а большие всего семей моряков. И почти у всех, конечно, дети, так что Маринке было с кем поиграть.

Сначала, правда, отпрыски местной элиты пытались от нее, дочки дворничихи, нос воротить: живет в подвале, ходит в обносках... Но Маринку жизнь уже успела научить бороться. Бороться за все. Вот и благосклонность соседской детворы она завоевала. Кого очаровала тем, что постоянно придумывала вылазки, какие-нибудь проказы, игры. Девчонкам страшные истории про черный рояль и зловещую руку рассказывала, они это обожали. Мальчишки зауважали, потому что камни едва ли не дальше всех бросала и по деревьям лазила лихо. А кому и по шее двинула.

Скоро и компания, и закадычные подружки появились. Особенно Маринка сошлась с Инкой. Та в их дворе была богачкой из богачек. Жила с родителями в пятикомнатной квартире. И модничала жутко – джинсы у нее появились чуть не у первой, и кроссовки настоящие, и магнитофон японский, и сланцы с бисером. Впрочем, любая бы смогла пижонить, будь у нее папа капитаном дальнего плавания. Бонов, то бишь валюты, чтоб отовариваться в специальном магазине, в семье без счета.

Но Инка особо не задавалась и даже иногда завидовала кое-как одетой подруге:

– Зато ты гуляешь сколько влезет! И хлеба можешь сожрать хоть батон...

Саму Инку мало того, что школой третировали, так еще и на балет водили аж по три раза в неделю. И держали будущую Плисецкую на жестокой диете. Но танцевала она и вправду неплохо. Единственное, над чем Марина всегда смеялась: у Инки суставы хрустели. Тянет носок – раздается треск, будто его ломают. Или изображает подобие лебединого па, кистью шевельнет, а та трещит.

– Бу! Ра! Ти! Но! – подкалывала Маринка. – Деревце трескучее!

– А ты коровка! – откликалась подруга.

И обе хохотали.

Дружба у них была – не разлей вода. Вместе лазили по чердакам и подвалам, украдкой от родителей бегали на море, возились с бездомными котятками, играли в «косметический салон»... Обычные подружки, с виду ничем и не отличались, обе светленькие, шустрые. Только одна одета побогаче, другая – победней...

А на ночь Марине приходилось возвращаться в крошечную сырую дворничью. Несмотря на лето, дрожать под ворохом одеял, разглядывать слизней – те безо всякого страха перемещались по стенам...

В эти минуты она подругу почти ненавидела. Ведь у Инки была собственная, с огромным балконом, спальня. А в ней настоящий мебельный гарнитур, и кровать, и шкаф, и диван, и стол, и комод, и кресло. Все, как у взрослых, только меньших размеров и украшено мишками-зайчиками. А на будущее лето ей родители пообещали установить диковинную штуку под названием «кондиционер» и вывезти на болгарский курорт «Златни пясци». И пусть Инка никогда своим богатством не кичилась, но все равно подружке было обидно. До такой степени, что Марина, пусть и кроха совсем, только в школу пошла, а поклялась самой себе: она, когда вырастет, тоже будет жить не хуже.

Через какое-то время не выдержала, рассказала о своих планах, на что Инка расхохоталась, словно безумная. А когда успокоилась, серьезно произнесла:

– Ничего у тебя не получится. Какое богатство? Не зря же мой папа говорит: «Дети наших начальников будут начальниками наших детей».

Вот так! Знай, Маринка, свое место...

А подруга продолжила:

– Ты сама подумай... Тебя и в институт без взятки не примут. А если даже возьмут и закончишь, то распределят куда-нибудь в Урюпинск. И карьерой твоей заниматься, ясное дело, будет некому. Откуда ж богатству взяться?

В тот день они впервые поссорились. Потому что каждая так и осталась при своем мнении. Марина не сомневалась, что через двадцать лет она станет минимум директором завода – как главная героиня фильма «Москва слезам не верит». Инка же уверяла, что подруге в лучшем случае удастся дорасти до старшего инженера. В каком-нибудь чухлом НИИ.

* * *

– Я, конечно, не знаю, где Инка сейчас, но я свое слово сдержала – карьеру сделала, – гордо закончила Холмогорова. И нетерпеливо обратилась к массажисту: – Тебе еще долго?

– Почти все, Марина Евгеньевна, – почтительно откликнулся тот.

На пороге немедленно появилась Фаина с махровым халатом в руках.

«Вот выдрессировала она их», – не без восхищения подумала Татьяна.

Холмогорова метнула быстрый взгляд на часы. Царственным жестом приняла у экономки халат, сползла с массажного стола и двинулась прочь. А Татьяна – ни дать ни взять надоедливая журналистка с диктофоном в руках – засемила рядом.

– Про раннее детство, я считаю, достаточно, – отрубила на ходу Марина Евгеньевна. – Действуйте, Таня. Обработайте текст, скиньте на мой компьютер, а я вечером читаю.

– Записываем все, как есть? – уточнила Садовникова. – И что отец пил, и как вы той Инке завидовали?

– Все-все. Народ должен видеть, что я не с серебряной ложкой во рту родилась. – Она усмехнулась. – Может, и Инке моя книжка на глаза попадется. Пусть знает, что папаша ее не угадал. Дочка дворничихи вполне может в люди выбиться.

Они уже вышли с территории бассейна и теперь поднимались по широкой лестнице на третий этаж, где располагалась хозяйкина спальня.

– А вы злопамятная... – позволила себе фамильярность Татьяна.

Холмогорова в ответ лишь плечом дернула:

– Иначе нельзя. Сожрут.

Царственно вплыла в свой будуар и захлопнула за собой дверь – прямо перед Таниным носом.

Просто стройбат какой-то. Сплошные унижения. То смиренно стой у бассейна, жди, пока хозяйка наплавается, то дверь перед тобой захлопывают, будто перед шелудивой собакой.

Таня побрела по дому, пытаясь развеселить самое себя. Хотелось подумать о чем-нибудь приятном. Только, увы, ничего хорошего в голову не лезло. Неприятная работа, незадавшаяся жизнь...

А когда проходила мимо гостиной, услышала женский голосок:

– Вот она меня задолбала!

Уж не про нее ли речь?

Таня замерла возле неплотно прикрытой двери, осторожно заглянула в щелку. В комнате двое. Хозяйкина секретарша Нелли раскинулась в кожаном кресле и физиономию имеет самую злую. А подле нее Антон Шахов. Сидят оба в довольно интимной позе – Антон

расположился у Нелькиных ног и обнаженные ступни ей массирует. Ничего не скажешь: *рабочие отношения...*

Первым порывом было ворваться в комнату и сломать незадачливой литераторше Нельке весь интим. От сего неразумного поступка Таня, конечно, удержалась. Но и от двери не отошла. Наоборот – наострила уши, затаила дыхание. И принялась слушать, как хозяйкина секретарша злобой исходит.

– Я тебе говорю, Антош: эта Татьяна – ноль полный. Мозгов никаких, а на роже сплошной ботокс!

«Вот тварь! Да в жизни я никакого ботокса не колола!» – возмутилась про себя Садовникова.

– И проститутка, пробы некуда ставить. Вон, Феоктистович – у него на таких нюх – на нее сразу стойку сделал.

«Да нужен мне сто лет ваш Феоктистович!» – продолжала негодовать Татьяна.

– А уж хозяйку-то как облизывает... Вся сладкая, прям сплошной сахарок! А сама так и вынюхивает, так и лезет везде. Поспорить могу: наверняка в какую-нибудь газетенку типа «Жизнь» желтизну сольет...

И Антон, негодяй, хоть бы словечко в защиту сказал! Наоборот: сидит, слушает, кивает. А руки его так и пляшут по Нелькиным ногам. Причем уже не только по стопам – забираются выше, нежно глядят секретаршины коленки... А та капризным тоном восклицает:

– Ой, Тош, не успокаивай меня! Все равно бесполезно! Я от одного вида этой гадины просто больной становлюсь!

Ишь ты, оскорбленный талант...

Антоша же отпустил Нелины конечности и заявляет, сочувственно так:

– Да не порти себе, Нелечка, нервы!

Девушка мгновенно взвилась:

– А что я могу поделать, если она меня бесит?!

Антон же спокойно продолжил:

– И не ругайся с ней.

– Это уж мое личное дело! – в запальчивости выкрикнула та.

– Конечно, твое, – примирительно произнес Шахов. – Просто я считаю – глупо ругаться. Врага себе наживешь. И хозяйку совершенно зря злишь.

– Предлагаешь мне тоже ей задницу лизать? Как ты? – саркастически поинтересовалась Нелли.

– А что в том плохого? – пожал плечами Антон. – Куда разумнее силенок подкопить и потом незаметно ударить. Думаешь, мне эта выскочка нравится?

«Негодяи. Какие же вы негодяи!» Таня, уж на что закаленная в офисных интригах, а едва не заплакала. Хорошо, в конце коридора показалась горничная – появился повод удалиться. Чтоб никому и в голову не пришло, что писательница, московская гостья, позорно подслушивает под дверью...

Но настроение испортилось окончательно. И еще какой-то страх появился. Пусть Нелли с Антоном – не фигуры, но все равно неприятно, когда живешь, можно сказать, в стане врага.

Беркут

Юльку, его Юлечку, нашли туристы.

Их в окрестностях города шляется без счета. Не каждому ведь по карману снимать гостиницу в Сочи и вываливать бешеные деньги за тухловатое ресторанное питание. К тому же у «дикарей» своя романтика: костры, палатки, сосновые боры, пустынные пляжи... Береговая линия на Черноморском побережье многокилометровая, по кромке прекрасные леса – места на всех хватит.

Та парочка туристов затеяла пеший поход. Натолкали в сумку-холодильник пивка с кальмарами и потопали, всего-то шесть километров от города Сочи. Шли по жаре, упарились, устали, повалились отдохнуть... И только слегка отдышавшись, увидели буквально в метре едва присыпанное песком недвижимое женское тело.

Юлечка была раздета, сарафанчик, белье и босоножки аккуратно сложены рядом, в распахнутых глазах застыл ужас, и кругом кровь... На ее теле насчитали семь ножевых ударов – два из них оказались смертельными. А на вскрытии выяснилось: она ждала ребенка, беременность десять недель.

Город гудел. Туристы-дикари дружно покидали свои палатки. Заговорили о маньяке. Молодые девчонки насмерть ссорились с матерями – те пытались запереть любимых чад по домам.

На похороны Юлии пришло больше тысячи человек. Одноклассницы выдавливали слезинки, мальчишки – поддерживали их под локоток. Юлькин менеджер в своей надгробной речи сказал, что он в модельном бизнесе уже двадцать лет, еще в советские времена работал на Зайцева, но никогда прежде не имел дело с девушкой такой красоты и такого таланта. Юлечкин официальный на тот момент поклонник (очередная пустышка с огромной печаткой и на «Мерседесе») имел бледный вид: менты пытались повесить убийство на него. Однако, шептались в толпе, не доказали. Да и Юлин ребеночек оказался от другого... От кого – так и не выяснили.

Беркута тоже таскали на допрос. Он тогда уже был у властей на заметке: блистательный ученик, золотой медалист, профессионально карате занимается, сколько раз на краевом чемпионате побеждал, а в Москву, поступать в институт, не поехал. Остался в Сочи, откупился от армии и, восемнадцатилетний соплик, зарегистрировал на свое имя фирму – охранное агентство, в котором, к удивлению многих, сразу же появились клиенты, причем весьма серьезные. Подозрительно: мальчишка, такому, в лучшем случае, в «шестерках» ходить, а он ведет, и вполне успешно, дела с конкретными братами... К тому же все знали, что Беркут при Юлии – самый верный рыцарь. Альбомов с ее фотографиями уже штук пять насобирал, его среди ночи разбуди, скажет, для какого журнала в ближайшие дни у девушки съемка.

Но прижать не смогли и Беркута – во-первых, алиби у него оказалось железное. И на допросе он разрыдался, как мальчишка, хоть и двухметровый шкаф, костяшки на пальцах, будто камень:

– Я за Юльку сам бы умер! На куски бы себя дал изрубить! А вы говорите: убил...

Следователь поверил. Такое, решил, не сыграешь.

А на свежей могиле, едва толпа провожающих разошлась, Миша Беркут поклялся:

– Юлечка, милая, прости, что не уберег. Но ты верь: я за тебя отомщу.

Глава 3

Валерий Петрович

Падчерица позвонила утром. Веселая, пищит восторженно, как в три годика, когда он ее впервые в зоопарк вывел:

– Представляешь, Валерочка?! Я тебе с настоящего спутникового телефона звоню! Он такой огромный, как старые мобильники были... Ой, у меня тут все классно! Роскошная комната, приятные люди, а природа просто сумасшедшая! Сегодня во двор самый настоящий орел прилетал, или гриф... В общем, здоровущая такая птица!

Голос падчерицы звучал абсолютно беззаботно – как и подобает девушке, проводящей время на роскошном курорте. И маму, Юлию Николаевну, Татьяне, безусловно, удалось бы ввести в заблуждение. Но Валерий Петрович сразу почувствовал: восторги показные. Девочка явно нервничает.

– Ты сейчас не одна? – коротко спросил он:

– Конечно! – жизнерадостно откликнулась Татьяна. И, не сбавляя бравурного тона, добавила: – Но здесь чрезвычайно приятные люди, и обстановка самая доброжелательная, и ты не волнуйся: все у меня хорошо!

Звучало настолько оптимистично, что Валерий Петрович сразу занервничал.

Таня уже давно сама себе хозяйка, занимает серьезную должность, живет в отдельной квартире, приезжает в гости на собственной машине, причем год от года автомобили становятся все роскошней. И усвоила по отношению к пенсионеру-отчиму несколько снисходительный тон, постоянно норовит подкинуть ему, старику, тысчонку-другую «на сигареты».

Только Татьяна для Валерия Петровича так и осталась ребенком. И он считал своим святым долгом оберегать ее от *историй*, в которые девушка постоянно влипала.

Затея с поездкой в Красную Долину полковнику запаса Ходасевичу не понравилась с самого начала. Что за блажь: брать отпуск на привычной, с хорошей зарплатой, а главное, абсолютно безопасной работе ради того, чтобы написать биографию какой-то выскочки-бизнесменши?

– Как ты не понимаешь, Валерочка? Зато я сразу с кредитом на машину рассчитаюсь! И за квартиру будь здоров сколько заплачу! – объясняла Татьяна.

Полковник в ответ лишь вздыхал. Залезть глубоко по уши в два серьезных кредита было очередной авантюрой падчерицы. Увы, девушка она совершеннолетняя, согласия опекунов в банках не потребовали. А совета Татьяна не спросила, провернула все тихонько. И пригласила маму с отчимом сразу на новоселье.

Квартира действительно оказалась роскошной. Ходасевич в подобных прежде лишь в Европе бывал. Когда доводилось общаться, по долгу службы, с тамошним истеблишментом. Кухня с огромным эркером, просторная ванная, светлый холл, уютная спальня, стильная гостиная...

– Господи, сколько же это все стоит? – ахнула мама.

– А сколько бы ни стоило... Заработаем! – бесшабашно откликнулась Татьяна.

Но полковник все-таки настоял, чтобы падчерица показала ему кредитные договоры. И, конечно, пришел в ужас: и от огромности сумм, и от величины процентов.

– Ты хоть понимаешь, что теперь на целые десять лет в кабалу попала? – упрекнул он Татьяну.

– А что было делать? – пожала плечами та. – Без процентов в долг нынче не дают, а богатого любовника у меня нет.

– И очень жаль, что нет, – припечатала Юлия Николаевна. – Давно бы, с твоими-то данными, могла завести. И каталась бы теперь, как сыр в масле.

Валерий Петрович изумленно взглянул на экс-супругу. А Таня ехидно поинтересовалась:

– И что ж ты мне все детство мозги лечила? Мол, замуж надо выходить по любви да не в деньгах счастье...

Но Юлия Николаевна в пикировку вступать не стала. Грустно склонила голову:

– Просто жаль мне тебя, Танюшка... Не девочка уже, а до сих пор бесхозная. Все сама и сама. Опереться не на кого.

– Ну ладно тебе, мам! – надменно поджала губы та. – Не бесхозная, а свободная.

Но в глазах ее, Валерий Петрович заметил, мелькнула тогда тоска...

Может, в богатом доме госпожи Холмогоровой для Татьяны как раз и найдется подходящая пара?

И полковник осторожно спросил:

– А что там у вас за люди? Есть тебе с кем провести свободное время?

– Свободного времени у меня почти нет, – слегка сбавила жизнерадостный тон Татьяна. – Только ночью, с двенадцати до шести. Тут, представляешь, в это время обязательный сон, даже из своих комнат выходить нельзя. А так я в основном занята. Мы или с Мариной Евгеньевной беседуем, или я за компьютером. Ну, может, иногда по саду прогуляюсь или в бассейне поплаваю.

Сад, бассейн, работа – все это успокаивало. Но червячок сомнения все равно точил.

...Про Марину Евгеньевну Холмогорову полковник попытался выяснить еще до Татьяниного отъезда. Тщательно изучил всю информацию, что имелаась в открытом доступе. Никакого криминала не нашел (а незаконная приватизация и неуплата налогов в России преступлениями не считались). В том, что богатейка захотела собственную биографию написать, тоже ничего необычного не было. Мало ли, какие у новых русских причуды?

– А почему ты со спутникового телефона звонишь? – поинтересовался полковник у падчерицы.

– Да потому что горы тут, мобильники мертвые, – хмыкнула Таня. – Ближайший передатчик в Красной Долине, отсюда тридцать верст. Поеду вместе с Мариной Евгеньевной в долину – позвоню со своего. Но ты мне можешь сюда, на спутниковый, звонить. Запиши номер...

Что ж, можно понять и смириться.

Но едва Валерий Петрович положил трубку, сразу сердце закололо. А сердце у него – вещун. Когда с его девочкой действительно все в порядке, никогда не болит.

Полковник закурил, жадно втянул сигаретный дым. Колотье, на удивление, прошло. А он добил до фильтра любимый болгарский «Опал» – и немедленно набрал номер куратора, полковника Ибрагимова.

Ходасевич старался не расходовать хорошее отношение шефа на личные дела, но после разговора с нарочито бодрой Татьяной ничего другого просто не оставалось.

Когда коллега откликнулся хмурым «Ибрагимов слушает», Валерий Петрович попросил:

– Не в службу, а в дружбу. Проверь по нашим каналам: что там есть на одного человека – Холмогорова Марина Евгеньевна.

Таня

Во второй раз за день Холмогорова нарисовалась совсем некстати – Таня после сытного обеда лежала в ванне. Луковый суп, морской окунь, тушенный в соусе из лаймов, и малиновое желе ее разморили – девушка задремала в пенной воде. А проснулась от невежливого, прямо в ухо, кашля. Испуганно встрепенулась, открыла глаза: Фаина, вездесущая домоправительница. Стоит, губы скорбно поджаты – вроде как возмущается, что *некоторые* в рабочее время в теплой водичке нежатся. А ведь Таня точно помнила: щеколду в ванной комнате она, конечно, не зашелкивала, но дверь в свою комнату заперла.

– Как вы сюда попали? – буркнула она.

– У меня есть дубликаты ключей, – не смутилась экономка.

– А *постучать* вам в голову не пришло? – подняла бровь Татьяна.

– Я стучала, вы не откликнулись.

– Хамишь, тетя! – вырвалось у Садовниковой.

– Вы – на работе, и я – на работе, а Марина Евгеньевна велела мне срочно вас найти, – пожала плечами Фаина. Экономка взглянула на часы: – Через пять минут она ждет вас в столовой.

«А говорила, что только вечером дома появится», – пронеслось в голове у Татьяны.

Из ванны она вылезала злая, как сто чертей. Пусть и работала всю жизнь «под начальником», но с подобными самодуршами еще не сталкивалась. Понятно, конечно, что рабочий день ненормированный, в любое время могут вызвать, но хоть за полчаса-то предупредить можно!

Однако бунтовать, сочла Таня, пока рано. Проще подстроиться. Она быстро натянула джинсы, майку, кое-как пригладила мокрые волосы – и пулей ринулась в гостиную. Опоздала всего на пару минут, а Холмогорова все равно встретила ее недовольным взглядом. Гневно притопнула каблук – на сей раз она была при параде, в костюме и на высоченных шпильках:

– У меня окно всего на полчаса, а вы заставляете себя ждать.

Извиняться Татьяна не стала, только голову опустила. Подумала: «А станет наезжать дальше – пошлю ее, и дело с концом».

Впрочем, Марина Евгеньевна тут же сменила пластинку. Безо всякого перехода произнесла:

– Скажите, у вас в гардеробе мини-юбки имеются?

– Что-о?! – опешила Татьяна.

– Вы с собой короткие юбки привезли, или надо кого-нибудь за ними в Сочи отправить? – нетерпеливо повторила бизнесменша.

– Привезла, но...

– Сегодня вечером обязательно наденьте, – приказала Холмогорова. – Ну, и остальное, все, что положено: высокие каблуки, макияж. У нас будет небольшой прием. Нужно выглядеть красиво.

Ни фиги себе требования!

– Насчет приема поняла, – криво усмехнулась Татьяна. – А вот по поводу короткой юбки – не очень...

– Господи, ну что ж тут непонятного? – фыркнула бизнесменша. – Я заметила: у вас вполне приличные ноги, а вы их все время под штанами прячете.

– Разве это не мое право?

Холмогорова будто не услышала, продолжила:

– Приедет один мой старый приятель, а он до женских ножек охоч. Уж порадуите его, будьте любезны...

Таня просто ушам своим не верила. Получается, ее не только для того, чтобы биографию писала, наняли? А за сто тысяч евро придется еще и каких-то старых козлов *ублажать*?

Но не зря Холмогорова – миллионерша и одна из самых успешных в стране женщин. Соображает быстро и просчитывает на пару ходов вперед. Едва Татьяна рот открыла, чтоб возмутиться, как Марина Евгеньевна произнесла:

– Ой, Танечка, только не надо делать такого лица! Вас никто в проститутки не рядит. Понадобилась бы мне продажная женщина – я ее в любой момент из Сочи вызову. И уверяю, это будет куда дешевле. По сравнению с вашим-то гонораром...

Сбавила тон до тихого, заговорщицкого. И даже на «ты» перешла:

– Сама, что ли, не знаешь: мужики – они козлы. Любят все яркое. И сиськи там, ножки... Чем из большей грязи вылез – тем большую красоту подавай. Да на халяву!

– И кому надо... показывать? – хмуро ухмыльнулась Татьяна.

– Большой человек. По моим данным, уже миллиардер, – с готовностью ответила хозяйка. – Сегодня вечером у нас в гостях будет. Убудет от тебя, что ли, если он поглазеет?

И даже не знаешь, что ответить на подобную откровенность. Скажешь: «Не убудет», – получится, пошла на поводу. А кричать, что нет, мол, назло явлюсь в джинсах, – тоже как-то глупо...

Татьяна нужных слов подобрать не сумела, промолчала. А Холмогорова продолжила:

– Значит, договорились. Тогда – давай к делу. Включай диктофон.

Садовникова исполнила приказ, а бизнесменша лукаво улыбнулась и произнесла в микрофон:

– И вот еще что... Это сейчас мой сегодняшний гость – круче не придумаешь. Самолеты, яхты, девки у него одна другой дороже. А видела бы ты его... – Холмогорова сделала секундную паузу, – тридцать два года назад. Слушай внимательно, расскажу. Пусть читатели знают, откуда миллиардеры берутся...

* * *

Когда Маринка перешла в четвертый класс, из дворницкой их с мамой поперли. На первом этаже Красного дома работал продуктовый магазин, и вот он и затребовал полуподвальчик под складские нужды. С работы, правда, маму не выгнали – наоборот, сулили зарплату прибавить, на целый червонец. Только, мол, не уходи, не оставляй двор без уборки. Однако новую квартиру предоставить не смогли.

Мама попробовала торкнуться на пару заводов-фабрик, где давали общаги, но ей везде отказали. Кому нужна сотрудница в возрасте за сорок, без образования, да еще и с ребенком? А снимать бессмысленно – за самую жалкую комнатуху просили больше половины дворницкой зарплаты. Только и оставалось, что возвращаться в родной поселок, ведь там хотя бы жилье имелось. Да и дочкины хвори чудесным образом прошли – врачи обещали, что девочка теперь в любом климате выживет.

Но Маринка уже успела полюбить городок N всеми фибрами души и умоляла мать:

– Давай останемся!

– А жить на пляже будем? – пожимала плечами та.

– Да хоть и на пляже: сейчас тепло! – запальчиво отвечала дочка.

– Не болтай, – отмахивалась мама.

Ее глаза уже шарили по скудной обстановке дворницкой: что из небольшого количества нажитого барахла оставить, а что – упаковать с собой.

– Сходи в мебельный, притащи коробок. Потихоньку собираться будем... – велела она дочери.

Маринка послушно выбежала из дворницкой. Но отправилась, конечно, не в мебельный. Хоть и мала еще, но упрямства ей не занимать. Не дожидется, чтоб она своими руками коробки тащила, отъезду способствовала...

Вместо магазина пошла в свое любимое местечко – в парк аттракционов. В их поселке-то ничего даже близко похожего не имелось – одни примитивные малышачьи горки во дворах. А здесь – и цепочная карусель, и лопинги, и «Ромашка», и колесо обозрения... А самый писк, конечно, – аттракцион с гордым названием «Автодром». Там настоящие двухместные автомобильчики, на которых можно и разогнаться, как вихрь, и сталкиваться с другими гонщиками, и врезаться в стены.

Удовольствие дорогое – целых двадцать копеек за пять минут, но Маринка с Инкой иногда себя баловали (в основном, конечно, за Инкин счет). Причем Инна, хотя и платила за билеты, бразды правления обычно отдавала в руки подружки. Сама сидела на пассажирском сиденье и во время особо опасных виражей громко визжала.

Но сегодня Марина явилась в парк одна и на любимые машинки могла лишь глазеть – денег не имелось даже на газировку из автомата.

День был будний, и народу в парке почти не оказалось. На цепочной карусели визжали катавшиеся под присмотром мамаш совсем мелкие девчонки. Могучие качели-лопинги вкупе с «Ромашкой» стояли пустыми. Автодром же осаждала компания пацанов – довольно больших, лет по двенадцать, если не старше. Форсили по-страшному: все – с сигаретками, матерятся, харкают. Но ездили, опытным глазом определила Маринка, хреново: шуму и аварий много, служитель замонался в мегафон ругаться, а скорость черепашья, похоронные автобусы и то быстрее ездят.

Маринка стояла за ограждающей автодром решеткой, жадно следила за горе-гонщиками, а во время особо жалких виражей не могла сдержать усмешки. Один раз и просто в голос рассмеялась.

И, конечно, нарвалась. Время катания в очередной раз истекло, машинки встали, и пацаны – вместо того, чтоб взять билеты по новой, – дружной кодлой двинули к ней.

Сердце трепыхнулось: парней – четверо, она – одна. А защиты никакой – не мамашек же с малышами просить, чтоб помогли... Но взгляд постаралась изобразить самый независимый. Лучшие по шее получить, чем жалобным голоском молить о пощаде.

– Эй, ты! – окликнул ее самый рослый парень. – А ну, подойди!

Кажется, все четверо ждали, что девчонка бросится наутек. Однако Марина, наоборот, сделала несколько бесстрашных шагов им навстречу. Прищурилась. Выплюнула сквозь зубы:

– Че надо?

– Еще и шипит! Гадючка! – усмехнулся пацан.

Его приятели верноподданнически заржали.

– Лучшие гадючкой быть, чем ужом, – буркнула в ответ Марина.

– Чего-чего? – не понял парень.

«Дурак ты, – мелькнуло у нее. – Не спрашивать надо, а в рожу бить».

И почти совсем бесстрашно вслух произнесла:

– Да я говорю, ты на себя посмотри. Знаешь, ты кто? Вроде тоже змея, но недоделанная.

«Если ошиблась насчет него – щаз в морду даст. Сразу».

Но повезло: похоже, на благородного нарвалась. Потому что драться парень не стал, а наоборот, расплылся в улыбке и беззаботно спросил:

– А почему недоделанная?

– Да потому что уж больно хреново водишь, – отрезала она. – Тебе не на автодром надо, а в похоронный автобус!

Сказала и на всякий случай руку к голове подняла. Чтоб, если противник вмажет, хоть на лице синяков не было.

А главарь лишь беззлобно ругнулся:

– Щаз договоришься, сопля!

Но даже не замахнулся. А один из его спутников хохотнул:

– Насчет похоронного – это она в точку!

И компания вновь дружно заржала – теперь уже, к Маринкиной радости, над своим главарем.

– Вы тупычи, – весело откликнулся главный. – Похоронники, чтоб вам знать, быстрее любого таксиста носятся. Платят-то по часам! Дядь Миша один раз так гнал, что у него аж покойник из гроба вывалился.

И неожиданно протянул Маринке руку:

– Я – Матвей.

– А я – Марина. – Она вложила в рукопожатие все свои накопленные под южным солнцем силенки.

И заметила: они с Матвеем – будто из одного колхоза. Одеты одинаково, штаны у обоих от старости аж светятся, шлепки грошовые, мэйд ин фабрика «Богатырь», и руки все в царапинах, а под ногтями – устойчивый черный траур.

– Чего сама-то не катаешься? – кивнул в сторону автодрома Матвей.

– Денег нет, – пожала плечами Марина.

– А аскать слабо? – усмехнулся он.

– Чего?

– У людей попросить.

И он писклявым голоском затянул:

– Простите, пожалуйста, вы мне не поможете? Мамка сегодня на сутках, а я ключи забыл... жрать хочется, аж живот подводит...

– И чего – дают? – заинтересовалась Марина.

– Да почти все! – заверил новый знакомый. – Особенно, если парня просишь, когда он с девчонкой. Жлобом-то показаться запахло!

– Прикольно, – оценила Маринка. – Попробую.

– Пробуй, – хмыкнул Матвей. – А половину будешь мне отдавать. За идею.

И предложил:

– Хочешь пока с нами кататься? Пассажиров-то садить бесплатно можно...

Но Марина отказалась:

– Не, лучше постою. Пассажиркой мне запахло.

И просияла, когда Матвей благородно протянул ей двадцать копеек на собственный билет...

Потом они все вместе пошли в кафе-мороженое, и за нее снова заплатил Матвей. А после – толпой шлялись по Набережной, и она, к одобрению компании, всего за полчаса нааскала целый рубль, который и потратили на газировку с пирожными-«языками». Когда на городок опустился вечер, Матвей распрощался со своими корешами и проводил Маринку прямо до самого дома.

– Ты классный, – сказала она на прощание. – Жаль, что мы уезжаем...

– Уезжаете? Надолго? – спросил он.

– Да вообще уезжаем. Навсегда. – Марина вздохнула. И объяснила: – Маманю с квартиры поперли.

Матвей выслушал ее рассказ. На секунду задумался, потом задал неожиданный вопрос:

– Слушай... а ты трупиков боишься?

– Не знаю, – честно ответила Маринка. – Не видела никогда. Но, говорят, у них из рта чего-то течет. У нас во дворе, когда кого-нибудь хоронят, я всегда прячусь.

– Брехня, ничего не течет, – заверил он. И авторитетно добавил: – И вообще. Мой батя говорит, трупаки – самое безопасное существо в мире. Люди куда хуже.

– А кто он, твой батя? – заинтересовалась Марина.

– Сторож. На кладбище.

– Бли-ин! – выдохнула она. И с дрожью в голосе поинтересовалась: – Ты что, на кладбище живешь?

– Между прочим, классное место, – пожал плечами Матвей. – Тихо, спокойно, море видно. И абрикосы растут. А на могилах конфет немерено, хоть карамелей, хоть шоколадных. Особенно на Пасху.

– Фу... – скривилась Марина.

– Ну, если фу – тогда и отваливай в свой поселок! – вдруг рассердился парень. – А я-то хотел...

– Что ты хотел? – уцепилась она.

– Да отец говорил, что им тетка нужна на работу. Бумажные цветы вертеть. И деньги хорошие, и жилье дают. Не фонтан, конечно, но крыша над головой будет. И летний водопровод есть. Только никто все равно не хочет. Бабы – они вроде тебя, мертвяков боятся...

Марина задумалась. Заикнись она маме про работу на кладбище, та и об стенку, сгорая, ее приложит... Но если капать на мозги планомерно... Соблазнять то бесплатным жильем, то хорошей зарплатой...

И девочка деловито поинтересовалась:

– А у вас там на кладбище слизняки есть?

– Кто-кто?

«Хоть и парень, и старше – а соображает туговато», – оценила нового знакомого Марина.

– Ну, слизи! У нас в дворницкой они вечно по стенкам ползают.

– Да не, какие там слизи! – наконец дошло до Матвея. – Почва-то сухая, песок. Только сколопендры забредают.

Кто такие сколопендры, Марина пока не знала, но спрашивать постеснялась. Ничего. На месте разберется.

* * *

– Вот мы с Матвеем с тех лет и идем рука об руку... – задумчиво закончила свой рассказ Марина Евгеньевна.

– А сейчас он кто? – поинтересовалась Таня.

– Известный бизнесмен Матвей Максимович Алтухов, – усмехнулась бизнесменша. – Хозяин крупнейшей в крае строительной компании. Плюс сопутствующие производства: два цементных завода, деревообрабатывающий. Ну, и всякой мелочи без счета: банк, таксопарк, магазинчики...

– Поня-ятно, – озадаченно протянула Татьяна.

– Что вас смущает? – остро взглянула на нее Холмогорова.

Садовникова пожалала плечами:

– Публичный человек... Захочет ли он, чтобы вы в своей биографии о нем всю правду писали? Что вырос при кладбище, как деньги у прохожих выпрашивал...

– Ой, да Матвейка любому пиару будет рад, – улыбнулась Марина Евгеньевна. – Особенно бесплатному. Редкостный, между нами говоря, жлоб... Впрочем, – она сдвинула брови и покровительственно улыбнулась, – может быть, вы и правы.

«Ох, праздник души! Похвалила свою холопку!» – саркастически подумала Татьяна.

– На всякий случай сегодня вечером спрошу. Если он вдруг решит шифроваться – без проблем, – задумчиво продолжила Холмогорова. – Просто фамилию указывать не будем. Назовем его, скажем... «Мой друг, ныне – известный олигарх». Подойдет такая формулировка?

– Формулировку я вам обеспечу, – кивнула Татьяна. А про себя подумала: «Тоже мне, шифровщица. Будто людям неизвестно, что у тебя в друзьях именно *олигарх Алтухов* ходит».

Но Холмогорова уже явно выкинула из головы и свою биографию, и Алтухова. Брови озабоченно сдвинуты, косится на часы:

– Все, Татьяна. До вечера. Не забудьте перебросить главы на мой компьютер.

Садовникова послушно выключила диктофон, сдержанно попрощалась с бизнесменшей. Подождала, пока замрет требовательный стук хозяйкиных каблучков, и задумчиво опустилась в глубокое кресло.

Мало ей злобной Нелли. И насквозь фальшивого Антона Шахова. И востроглазой Фаины. И никчемного хозяйкиного мужа. Теперь на сцену еще и олигарх является, охочий до женских ножек...

Убийца

Вся моя жизнь – борьба. И каждый вечер, ложась в постель, я не знаю, будет ли у меня утро. Я одинок, пыль, что поднимают прихлебатели, не в счет. Я никому не доверяю. Женщины, даже самые лучшие, даже проверенные годами, все равно предадут. Друзья – позавидуют. Только мама – ангел, но она сейчас от меня так далеко...

Мир, по Соммерсету Моэму, это театр. А мой мир – это компьютерная игра. Бродилка, в которой под любой кочкой может обнаружиться спасительный ключ. И в то же время из-за любого угла тебе могут выстрелить в спину.

Сегодня мне доложили: интересующий меня **объект** взялся за книгу. Будет автобиография на двести-триста страниц. Зачем? О чем? Или это лишь маска? Изящный, иезуитский способ меня уничтожить? После всего, что было?

Как я устал из года в год, изо дня в день ждать. Бояться. Вздрагивать от каждого телефонного звонка. И в какой-то момент наступила точка кипения. Я просто перестал бояться. В душе – все больше безразличия. Умру – значит, умру. И все больше злобы. И готовности наконец действовать. Сейчас я уже не сомневаюсь в том, что скоро уничтожу ее. И она даже не догадается, с какой стороны к ней подкрадется смерть. Нужно только выбрать удобный и безопасный момент.

Таня

Матвей Алтухов, бывшая шпана с кладбища, явно распрощался со своим прошлым. Нынче в нем с первого взгляда чувствовался лоск, который обеспечивается только очень большими деньгами. Нежнейший шелк небрежно повязанного галстука, ручной работы ботинки, на левом запястье – номерные часы, подарок президента России. Сразу понимаешь, что у человека – миллионы. Да и девушка его сопровождала роскошная – не чета типовым, крашенным в одинаковых блондинок хохлушкам. Миниатюрная, стройная, с огромными карими глазами и изящным ротиком, который, на удивление, извергал не традиционные глупости, а вполне конкурентоспособные фразы. Таня даже легкую зависть почувствовала. Потому что длина юбок у них с девушкой оказалась одинаковой, только ножки у новой гостьи были явно стройнее. И лицо свежее. И глаза ярче. И волосы гуще.

«Конечно, ей лет двадцать, а мне – страшно подумать сколько...» – расстроилась Татьяна. Обычно-то утешала себя тем, что подобные юные особи глупы, аки пробки, но спутница Алтухова в разговоре небрежно упомянула, что закончила *high school* в английском Брайдсхеде. И в России нынче лишь на каникулах, потому что обучается в *School of Journalism* Оксфорда.

Таня с уважением взглянула на Алтухова: даже представить жутко, в какие деньги ему обходится содержание эдакой фифы. Сам-то – с пузиком, волосы редкие, зубы явно вставные. Но ведет себя, будто абсолютный король. На свою ученую красотку почти не смотрит, все внимание на Холмогоровой сосредоточил. Расцеловал смачно, в обе щеки, дружески похлопал по необъятному бедру, и весь вечер рядом. А остальные – проводите время, как знаете.

Секретаршу Нелли и шустрого Антона Шахова на прием не позвали. В гостиной присутствовали лишь сама Холмогорова, высокий гость, его забытая спутница и Татьяна. В начале вечера еще и муж Марины Евгеньевны имелся. Но, неразумный человек, начал прекрасной англичанке комплименты расточать, гладить ее по плечу, преданно заглядывать в очи. Алтухов не возражал – лишь ухмылялся в реденькие усы. Зато Холмогорова так на благоверного цыкнула, что тот мигом ретировался. Не только от прекрасной гостьи, но и вовсе из гостиной.

Вот и остались вчетвером.

Марина Евгеньевна с Матвеем Максимовичем дружески болтали. Часто, будто школьники, переходили на шепот, прикрывали рот ладонью, а потом по-детски дружно прыскали. Им вдвоем было явно хорошо, и Таня в барскую беседу тактично не лезла. Прекрасная англичанка тоже не горела желанием общаться – демонстративно глазела в англоязычный журнал. Садовниковой только и оставалось – отдать наконец должное неплохой кухне. Посмаковать выдержанное, благородного вкуса вино. И потравить себя грустными мыслями, что годы идут, а зарплата пусть и растет, но все равно никогда не позволит ей достигнуть уровня той же Холмогоровой, что ноги, сколько ни качай их в спортклубе, потихоньку расплываются, и совсем скоро уже придется менять смелое мини на длину хотя бы до колена...

Из печальных раздумий Таню выдернул резкий голос Холмогоровой:

– Татьяна! Он согласен!

Садовникова едва не поперхнулась. Смущенно пробормотала:

– Извините...

– Можете писать о моем босоногом детстве всю самую страшную правду! – улыбнулся ей Алтухов.

– А в нем действительно было что-то страшное? – подхватила нить разговора Таня.

– О, да! – немедленно откликнулся Матвей Максимович. Но обратился не к ней, а к подруге детства: – Помнишь, Мариш, про котенка?

Холмогорова фыркнула, опять прикрыла массивной ладошкой рот, а глаза засияли... Ни дать ни взять озорная школьница, только что подкинувшая в портфель учителю живую лягушку.

– Что случилось с котенком? – наострила уши Татьяна.

– О-о, кажется, он погиб, – скорбно поджала губы Холмогорова.

– Его, по-моему, об стенку приложили? – наморщил лоб Алтухов.

– Ну да, со всей дури, – кивнула Марина Евгеньевна.

И снова усмехнулась.

– Жуткая история, – хохотнул Матвей Максимович. – Ты лучше о ней не пиши. А то читатели гневными письмами завалят.

«Богатеи, большие люди – а ведут себя хуже детей, – мелькнуло у Тани. – Никогда б не подумала...»

И терпеливо повторила:

– Так что насчет котенка?

– Как это говорят? Без комментариев! – строго заявила Холмогорова. Но глаза ее улыбались.

А Алтухов метнул в девушку быстрый взгляд и галантно произнес:

– Так и быть, мадемуазель. Рассказываю. Исключительно ради вашей неземной красоты. (А у самого глаза равнодушные, так что врет все про красоту.) Мы ведь с Маришкой в детстве при кладбище жили... Она вам уже говорила? Ну и забавлялись там, как могли. Я того котенка у дороги подобрал, он такой рыжий был, с белым носом...

– Ой, Матвей! Не умеешь рассказывать – и не берись! – весело перебила Холмогорова. И продолжила: – Не в котенке дело. У нас на кладбище был ритуальный зал для прощаний. Все, как положено: для гроба – подиум, из динамиков – «Аве, Мария», для безутешных родственников – валерьянка... И как-то привозят к нам братка. – Она взглянула на Таню и уточнила: – То есть это сейчас говорят – «браток», а тогда, в восьмидесятые, их просто бандитами называли. Пристрелили, кажется, его. Или на машине разбился, уже не помню. В общем, гроб из самых дорогих, цветы сплошь розы, и провожающие все на одно лицо: бугаи с золотыми перстнями. Ну, а мы с Матвейкой пошутить решили. Пока братки на улице курили, влезли в ритуальный зал и подкинули в открытый гроб котенка. Засунули его под покрывало... – Она снова прыснула.

«Милая забава», – хмыкнула про себя Таня.

– Ну а когда провожающих пустили в зал, котенок под покрывалом зашевелился, – весело подхватил Матвей. – Если не приглядываться, похоже, что покойник руками задвигал. И братаны наши, даром, что все мужики здоровенные, в крик... – Сделав паузу, гость философски закончил: – Ну, а когда котенок наконец наружу выскочил, на нем, конечно, зло и сорвали... Погиб, бедняжка.

«Да уж... – подумала Татьяна. – Вот потому я и не миллионерша. Другой менталитет. Мне бы так шутить сроду в голову не пришло...»

Но вслух она вежливо произнесла:

– Интересная история. Но вы, Марина Евгеньевна, правы. В книге ее упоминать, конечно, не нужно...

– Да и самой книги – тоже не нужно! – неожиданно встрял Алтухов.

– Это уж я сама решу, – тут же посуровела Холмогорова.

А Таня вдруг увидела: в прежде беззаботных глазах Алтухова промелькнула откровенная злоба. Впрочем, он немедленно взял себя в руки:

– Да развлекайся, конечно, раз хочется. Еще прославишься! Улицу в твою честь назовут!

– Нет уж, спасибо, хватит с нас Шипиловой, – усмехнулась Холмогорова. И вскинула глаза на друга детства: – Кстати, слышал? Этот мальчик, Беркут, своего добился. Подписал распоряжение мэра.

– Да ты что! – удивился Алтухов. – Значит, прощай, улица Вишневая...

Что-то непонятное. Но спросить Таня не успела – Матвей Максимович небрежно взмахнул рукой:

– Да и бог с ней, с Вишневой. Какая разница, где стоят два кривых домишка? Расскажи лучше про генплан. У тебя, говорят, его копия имеется?

Холмогорова усмехнулась:

– О-о, больших денег стоило...

По лицу Алтухова вновь промелькнула тень. Он с напускной небрежностью спросил:

– И что там?

– Амбициозный проект, ничего не скажешь. Один ледовый дворец на пятьдесят тысяч зрителей чего стоит... А открытый каток? В наших-то широтах! Представляешь, сколько можно на этом подряде наварить?

– Представляю, – кивнул Алтухов. – Только кто ж такой подряд даст? Не мой, увы, уровень... Все москвичи расхватили.

«Богатые тоже плачут», – насмешливо подумала Таня.

А Холмогорова возразила другу:

– Не в уровне дело. Просто суетиться нужно было раньше. Купил бы в Красной Долине землю годика три назад, когда она за бесценок продавалась, и кто бы тебя с нее погнал? Строил бы теперь спокойно. На собственных площадях.

– Да кто ж тогда знал, что Олимпиаду России отдадут! – вздохнул Алтухов.

– Я знала, – усмехнулась Холмогорова.

А Матвей Максимович серьезно произнес:

– Вот если бы твои земли освоить, здесь, в горах... У тебя, забыл, сколько в аренде? – Он остро взглянул на Холмогорову.

– Немного, гектаров пятнадцать, – скромно ответствовала та.

«Сильно!» – поразились про себя Татьяна.

А Марина Евгеньевна покачала головой:

– Нет, Матвей, ничего не получится. Это природный заповедник. И – мой личный санаторий. Я только тут душой отдыхаю. Так что никакого строительства здесь не будет.

– Ну, что ж тогда поделаешь... – вздохнул Алтухов. – Обойдусь без подряда. Буду скромненько своим цементом перебиваться...

– Сейчас, к Олимпиаде, стройки начнутся – минимум вдвое объем продаж увеличишь, – заверила Холмогорова.

– Да только и остается – *других* цементом снабжать, – буркнул Алтухов.

А Садовникова еле сдержала зевоту. Утомили ее эти богачи – с их жестокими детскими забавами и многомиллионными взрослыми проблемами. Интересно, зачем Холмогорова попросила ее короткую юбку надеть? Вон, Алтухов на собственную-то писаную красавицу почти не глядит, а Тани и вовсе – будто нет... Холмогорова – вот всевидящее око! – вдруг очень в тему спросила:

– Вам надоело с нами, Татьяна?

Садовникова решила не врать, протянула:

– Ну-у, если я вам не нужна...

– Можете идти, – царственно кивнула миллионерша.

И Таня торопливо – хотя спину держать не забывала – покинула гостиную.

Едва вышла из комнаты, немедленно сбросила босоножки на шпильках. Форсить больше не перед кем, до своей спальни она дотопаёт босиком.

Пришла, скинула неудобный вечерний наряд, взглянула на часы: всего-то половина одиннадцатого. Сидеть в пустой комнате абсолютно не хочется, да и до комендантского часа – времени еще полно. Сходить, что ли, в кухню за яблоком? А может, поплавать в бассейне? Или просто – погулять по участку? Выкурить одинокую сигаретку в бронзовой, увитой дикой розой, беседке...

Таня на всякий случай надела купальник и вышла из спальни. Решила прогуляться по дому и поступить по настроению.

Но в кухне обнаружилась Фаина. На ее постную рожу взглянешь – никакого яблока не захочется. Бассейн тоже оказался занят – в нем дружно плескались Нелли с Антоном. Общаться ни с кем из них не хотелось, и Садовникова отправилась в сад.

...Вечер оказался чудесным. Воздух был теплым, влажным – из долины, с моря, подувал ласково ветер. В черном бархате неба сияли бесконечные звезды. На участке уютно светили фонари, мирно журчал круговой фонтанчик. Таня жадно вдохнула целебный горный воздух. Ух, сплошной озон! И такой чистый, что аж голова кружится! Не зря, наверное, считается, что он жизнь продлевает.

«Хотя, вероятно, продлевает, только если не куришь», – подумала Татьяна.

Дошла до беседки, устроилась на влажной от росы бронзовой лавочке, достала сигареты, прикурила, втянула дым... Гадость, конечно, – но как приятно! Мозги сразу будто встряхиваются!

Таня задумалась. Мысли крутились вокруг Холмогоровой и ее биографии. Садовникова никак не могла взять в толк, зачем Марине Евгеньевне понадобилось издавать собственное жизнеописание. Ведь слишком многим ее затея явно не по душе. Нелли бесится, Антон недоволен. Но те двое ладно, они плотва. Так ведь и акула, олигарх Алтухов, тоже не в восторге. Может, ему и правда плевать, что все узнают про его детство на кладбище. Черт их поймет, этих богатеев, они своим простецким происхождением, похоже, даже гордятся. Но Марина Евгеньевна ведь в своей прямой речи явно дает понять, что лидером в их паре всегда являлась она, а Матвей был кем-то вроде ее адъютанта. Этакий ее Санчо Панса. Исполнительный, но без особых мозгов. Понравится ли миллиардеру, что его выставят в подобной, подчиненной роли?

Таня вздохнула. Затушила сигарету. Участок решила не засорять – похоронила «бычок» в жирной южной земле. Высмолить вторую сразу – или сначала пройтись?

Но принять решение она не успела – у входа в беседку вдруг раздался противный металлический скрип. И чье-то покашливание.

Татьяна вздрогнула, обернулась... и ее будто ударом тока встряхнуло. На нее в упор, не сводя глаз, смотрел молодой человек.

«Красив», – быстро оценила Татьяна. Черные, как смоль, волосы. Голубые глаза. Точеный нос. Упрямый, волевой рот. Длинные пальцы артиста. Приятный рельеф мускулов под футболкой...

Только юноша сидел... в инвалидной коляске, ноги укрыты пледом.

– Здравствуйте... – пробормотала Татьяна.

Темноволосый красавец не ответил. Но взгляд не отвел – продолжал буравить ее своими огромными, голубыми глазами.

Таня почувствовала себя неудобно.

– Вы, наверное, Станислав? – пробормотала она: – Сын Марины Евгеньевны?

Тот опять промолчал – лишь губы дернулись в еле уловимой усмешке.

«Значит, хотя бы слышит», – решила Татьяна, удивленная манерами незнакомца.

– А меня зовут Таня.

Она приблизилась к инвалидной коляске, протянула молодому человеку руку. Однако тот пожимать ее не стал. Внезапно резким движением развернул свою коляску и покатил прочь.

Таня недоуменно смотрела ему вслед, вертела в руках пачку сигарет. И лишь когда инвалид в коляске окончательно исчез в полумраке, опять закурила.

На душе вдруг стало тревожно.

Таня втянула дым – и с первой затяжкой поняла, что именно ее беспокоит. Она вспомнила: когда быстрым взглядом осматривала молодого человека – всего, от роскошных синих глаз до укрытых пледом ног, – в поле зрения попал кончик его правого ботинка. Тогда ей ничего подозрительным не показалось – ботинок и ботинок, довольно дорогой. А теперь вдруг подумала: раз человек не может ходить и передвигается на коляске, его обувь ведь должна быть чистой, верно?

Однако ботинки Станислава оказались *испачканы черной южной землей*.

Глава 4

Таня

Не зря Холмогорова – одна из самых успешных в России деловых дам. Она умеет заставлять других жить по своим правилам. Даже свободолюбивую Татьяну своими порядками запугала. Настолько, что сегодня Садовникова, будто бравый солдат, была полностью готова к выходу без четверти семь утра. За пятнадцать минут до официально утвержденного времени завтрака.

«А неплохой из меня получается *исполнитель*», – сыронизировала над собой Таня. И раз уж все равно собралась, в комнате она решила не сидеть. А то опасно – приляжешь, вроде бы на пару минуточек, и провалишься в сон.

Лучше неспешно, с достоинством, прогуляться по особняку. Понаблюдать, как другие – кто к завтраку проспал – лихорадочно мчатся в столовую. Да и любопытство разбирало. Хотелось одну гипотезу проверить: Таня почти не сомневалась, что Антон Шахов появится к столу *вместе* с секретаршей Нелли. Причем выйдет сладкая парочка из одной – его или ее – комнаты. Наверняка они любовники. Взглядами-то обмениваются – сладострастными. А чего стоил произведенный Антоном массаж Неллиных стоп? Да и вчера слишком уж дружно они в бассейне плескались.

«А ведь прежде подобные глупости – кто с кем спит – меня сроду не волновали. Но раньше я успешной рекламисткой была, а нынче деградировала до статуса карманной писательницы», – вновь усмехнулась над собой Садовникова.

Но чем еще заниматься в особняке, затерянном в горах, как не наблюдать за *другими*? Тем более, Таня не сомневалась, и за ней самой смотрят более чем внимательно.

Однако Садовникова продефилировала по коридору целых два раза, а из помещений, отведенных для персонала, никто так и не появился. Таиться же где-нибудь за портьерой, поджидая любовников, девушка сочла неразумным.

Она взглянула на часы: до завтрака по-прежнему есть время, целых восемь минут. Подняться, что ли, пока на третий этаж? Там, помимо спален хозяев и комнаты их сына, еще имелась, по словам горничных, какая-то *стеклянная лестница*. Вела она вроде бы прямо на крышу, в солярий, и персоналу пользоваться ей категорически не разрешали. Только гостям.

Таня, правда, до сих пор не поняла, кто она в доме Холмогоровой – гость или все-таки прислуга. Но на пресловутую лестницу решила взглянуть.

Садовникова быстро пропрыгала по ступенькам. Вступила на этаж. Воровато оглянулась. Холмогорова-то у нас особа непредсказуемая... Вдруг она все же считает ее за прислугу – и возмутится, что наемный работник осмелился вторгнуться в ее личное пространство?

Но на третьем этаже тоже было абсолютно тихо. Все спят? Или уже спустились к завтраку? Или просто какая-то особая, очень надежная, шумоизоляция на дверях?

Таня легко нашла узкую стеклянную дверь. Обнаружила за ней винтовую, круто уходящую вверх лестницу. Но выбираться на крышу не стала – до завтрака оставалось всего три минуты. Надо торопиться.

Когда она быстрым шагом проходила мимо спальни Марины Евгеньевны, дверь неожиданно распахнулась. И из нее абсолютно невозмутимо выплыл вчерашний гость, Матвей Максимович, на ходу застегивая брюки.

Таня от удивления аж рот разинула. Олигарх ее тоже заметил, но абсолютно не смутился, приветствовал небрежным кивком. И крикнул в недра комнаты:

– Мариночка! Я пошел!

– Пока, лап! – прозвучал в ответ хриплый голосище Холмогоровой.

А олигарх совсем уж бесстыдно проворковал:

– Ты сегодня была неподражаема!

Последняя фраза адресовалась, кажется, не столько хозяйке, сколько Тане. Или – хозяйкиному мужу, чья комната располагалась по соседству?

«Совсем обалдели олигархи!» – мелькнуло у Садовниковой.

Она дождалась, пока Матвей Максимович повернется к ней спиной, и пулей ринулась к лестнице. Быстрее прочь, пока Марина Евгеньевна из своей комнаты не выползла.

И во время завтрака она то и дело уважительно взглядывала на Холмогорову. Действительно, молодец тетка! За сорок, и выглядит корова коровой, а молодой Матвей Максимович вместо того, чтобы кувыряться в койке со своей юной, прекрасной, обученной в Оксфорде спутницей, выбрал ее. И ведь не из-за денег старается ублажить – сам миллиардер... И не смущает его ни дряблый живот Холмогоровой, ни ее попа вся в растяжках... Неужели любовь? Или все же ему что-то от Марины Евгеньевны нужно?

«Мне в ее годы точно придется жиголо покупать», – расстроилась Таня. Впрочем, тут же себя утешила. Еще чего – жиголо! Да сроду она себя что в сорок, что в пятьдесят так, как Холмогорова, не распустит. Молодняк будет за честь почитать закрутить роман с прекрасной, пусть и бальзаковского возраста, блондинкой. Но все равно плохо, что о бальзаковском возрасте уже приходится беспокоиться...

Из грустных раздумий ее выдернул, как всегда, резкий голос Холмогоровой:

– Татьяна! Мы выезжаем через десять минут.

– Куда? – Таня поперхнулась от неожиданности.

– Вниз! В город! В люди! – пропела на бодрый мотивчик Марина Евгеньевна. После жаркой ночи с любовником она явно пребывала в самом радужном настроении.

И больше никаких пояснений хозяйка давать не стала. Спасибо, Антон Шахов – он сидел по соседству – сжалился, прошептал:

– В «Юнону» едем. Это Марин-Евгеньевнин санаторий. В Большом Сочи. Там пляж прекрасный. И всякие СПА. Так что бери купальник.

Но хотя он и шептал почти неслышно, а хозяйка все же расслышала. Назидательно произнесла:

– Попрошу без дезинформации. Купаться, милый Антоша, Татьяне будет некогда.

– Вы ее, что ли, с собой на переговоры возьмете? – не растерялся заместитель.

Отвечать Шахову хозяйка не сочла нужным. Обратилась лично к Татьяне:

– Вы в журналистике когда-нибудь работали?

«Никогда не признавайся в собственной некомпетентности», – вспомнила девушка постулат успешности и осторожно произнесла:

– Приходилось...

Не стала, конечно, уточнять, что весь ее опыт исчерпывался парой статей в университетскую многотиражку.

– Вот и соберете материал для главы о моем бизнесе, – тоном главного редактора заявила Холмогорова. – Пройдетесь по санаторию, поговорите с людьми, оцените спектр услуг...

– А чего вам, жаль, что ли, если она и в СПА сходит? – не отставал Антон. – Чтобы, так сказать, на личной шкуре сервис прочувствовала!

«Навязчив. И глуп», – констатировала про себя Татьяна.

Но Холмогорова снова шустрика не оборвала, лишь с досадой поморщилась. Странно. *Олигарху* Матвею Максимовичу по любому поводу перечит, а какому-то мальчишке позволяет безнаказанно выделяться.

Впрочем, оборвала себя Садовникова, ее наняли не психологию разводить, а писать панегирик заказчице. Вот и нечего голову ломать.

Только устранившись от Холмогоровой с ее мужиками Тане все равно не удалось. Потому что, едва разместились на сиденьях внедорожника, хозяйка приказала:

– Включайте диктофон, работать будем. – И заявила: – Сегодня опять про Матвея буду рассказывать. Про нашу с ним, – она лукаво, беззаботной школьницей, улыбнулась, – развеселую жизнь на кладбище.

* * *

Все было хорошо – если бы только не вечный мамочкин страх. Взрослая вроде женщина. Много раз битая жизнью. И даже самого папашку не боялась осаживать, когда тот совсем уж вразнос шел и начинал за маленькой Маринкой с топором гоняться... Но вот с кладбищем у мамы никак не складывалось. Едва смеркается – двери на засов, и даже в туалет не выходит, все дела только в горшок. И во всякие глупости искренне верила. Например, в синие огоньки, те, что глухими ночами над могилами мерцают. Будто это души покойников.

Матвей сколько раз подбивал запугать мамулю еще хлеще. Обрядиться, скажем, в простыни, спрятать под балахоном свечу да побродить с завываниям и под окнами. Но Марина, хотя и сама подсмеивалась над суеверной родительницей, а Матвею сказала четко: только посмей – урою. Самого в свежую могилу закопаю...

* * *

Таня не выдержала, встряла:

– Так и сказали? Прямо этими словами?

Марина Евгеньевна небрежно взметнула унизанную перстнями руку:

– Ну да. Матвей меня всегда побаивался.

И неожиданно велела:

– Выключи диктофон.

Таня, как безропотный солдат, повиновалась. Щелкнула клавишей, замерла на своем сиденье.

Во внедорожнике их ехало четверо. Спереди – водитель. Рядом с ним – секретарша Нелли. Ну а на заднем сиденье – Марина Евгеньевна и Татьяна.

Холмогорова грубо ткнула секретаршу в плечо. Рывкнула:

– Нелли! Ты чего там кропаешь?

– Я?! Э-э... ничего, – смутилась девица.

А на коленях у той блокнот, и все пальцы в чернилах. Стишата, что ли, пописывает в местную газетку? Как ее там, «Волна», что ли.

Тон Марины Евгеньевны заledenел:

– Я. Задала. Тебе. Вопрос.

Нелли сжалась на своем сиденье, поникла головушкой. Руки ее, Таня заметила, затряслись. А чего, непонятно, впадать в такую панику? Соврала бы: график, мол, для вас составляю – и дело с концом.

Впрочем, плохо Таня знала Холмогорову. Потому что та протянула длань и властно произнесла:

– Дай сюда.

И Нелли, вместо того, чтобы возмутиться, безропотно отдала хозяйке блокнот.

– *Ночи на кладбище черны и тоскливы*, – с выражением зачитала Холмогорова. – *Лишь один сторож бредет молчаливо...*

Таня не удержалась, фыркнула. Заулыбался, увидела она в зеркале, и водитель. Нелли сидела, сжавшись в комочек и вся запунцовев. А Холмогорова презрительно произнесла:

– Ты бы хоть размер в своих виршах выдерживала.

И безжалостно метнула блокнот за борт внедорожника. Тот беспомощно шлепнулся на каменистую насыпь. Медленно, вороша за собой песчинки и мелкую гальку, покатылся вниз, в расщелину.

Нелли проводила собственность тоскливым взглядом и еще ниже склонила голову. А Холмогорова как ни в чем не бывало велела:

– Продолжим, Таня.

Но прежде чем нажать на «play» и включиться в работу, Садовникова успела перехватить взгляд хозяйской секретарши. На Холмогорову та по-прежнему смотрела с обожанием. А вот Татьяна ее угольки-глаза просто испепеляли.

* * *

Из детей на кладбище были только Матвей да она. Ну и еще отпрыск могильщика Петюни, тоже Петя. Жиртрест, каких свет не видывал, – килограммов сто двадцать и ростом со здорового мужика. А самому всего двенадцать лет, в шестой класс ходит. Морда страшная. Когда сторожу, Матвейкиному отцу, помогает ворота перед катафалками отпирать, народ всегда пугается. Тем более что Петюня-младший вдобавок вечно себе под нос бормочет разную хрень. Стишки. Причем из редких, древнегреческих. Овидий, Вергилий – фиг их разберет. Типа он образованный, хотя по делу и пары слов связать не может. Матвей с Мариной сколько раз пытались его в нормальную жизнь втянуть – на море там вместе, или по набережной пошариться, или цветы с могил потырить на продажу (те, у которых черенки не обрезаны), но Петюня только бычился. Они ему: «Пошли, тусанемся!» А он в ответ: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...» С головой, короче, беда у него. Собственный папаня и тот именовал сыночка то дауном, то олигофреном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.